

Ш Е Л Б И В А Н П Е Л Т

Необычайные умные создания

Р О М А Н



ph

Шелби Ван Пелт

Необычайно умные создания

«Фантом Пресс»

2022

УДК 821.111
ББК 84(7Coe)

Пелт Ш.

Необычайно умные создания / Ш. Пелт — «Фантом Пресс»,
2022

ISBN 978-5-86471-939-8

После смерти мужа Това работает ночной уборщицей в океанариуме городка Соуэлл-Бэй, моет полы, полирует стекла и... беседует с морскими обитателями. Работа помогает Тове справляться с горем, которое с ней уже тридцать лет – с того дня, когда таинственно исчез ее восемнадцатилетний сын Эрик. В океанариуме есть особенный обитатель – немолодой гигантский осьминог по имени Марцелл, философ и наблюдатель. Марцелл настоящий интеллектual, ему скучно в тесном аквариуме, и развлекается он, решая людские загадки. Но свой ум он тщательно скрывает – ото всех, кроме Товы. Марцелла интригует эта женщина, печальная и забавная. Однажды в городок приезжает незадачливый парень, который тоже пытается разгадать загадку – загадку своей жизни. И у Марцелла появляется еще одна цель. Дебютный роман Шелби ван Пелт стал сенсацией в США, эта ироничная и очень добрая история почти целый год не покидала самые верхние строчки списков бестселлеров. Эта книга из тех, что гарантированно поднимают настроение и позволяют увидеть обычную жизнь в новом свете.

УДК 821.111
ББК 84(7Coe)

ISBN 978-5-86471-939-8

© Пелт Ш., 2022

© Фантом Пресс, 2022

Содержание

1299-й день в неволе	7
След в форме монеты	8
1300-й день в неволе	13
Фирменное печенье	14
1301-й день в неволе	19
Любовные похождения в парке трейлеров “Велина”	21
1302-й день в неволе	28
Июньская серость	29
Из-за девушки	33
1306-й день в неволе	35
Детеныши гадюк особенно опасны	36
1307-й день в неволе	43
Здоровущие зубы	44
1308-й день в неволе	48
Счастливый конец	49
1309-й день в неволе	52
Может, и не в Марракеш	53
Бугатти и блондинка	57
1311-й день в неволе	60
Рано или поздно все всплывет	61
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Шелби Ван Пелт

Необычайно умные создания

Анне

SHELBY VAN PELT
REMARKABLY BRIGHT CREATURES

Copyright © 2022 by Shelby Van Pelt

© Анна Гайдено, перевод, 2023
© Андрей Бондаренко, 2023
© “Фантом Пресс”, издание, 2023

1299-й день в неволе

Моя стихия – темнота.

Каждый вечер я жду щелчка выключателя, который гасит лампы на потолке, так что остается только подсветка главного аквариума. Не идеально, но очень даже неплохо.

Почти полная темнота, какая бывает в морских глубинах. Я жил там до того, как меня поймали и привезли сюда. Я уже не помню вольных холодных течений, но все еще чувствую их вкус. Темнота у меня в крови.

Кто я такой? – спросите вы. Я Марцелл, но мало кто зовет меня по имени. Как правило, большинство людей называют меня просто *он*. Например: “Вот же он, смотри, щупальца торчат из-за камня!”

Я гигантский осьминог. Так написано на табличке, которая висит на стене рядом с моим аквариумом.

Я знаю, о чем вы сейчас подумали. Да, я умею читать. Я умею много всего, о чем вы и не подозреваете.

В табличке указаны и другие сведения обо мне: размеры, предпочтительный рацион и территории, где я мог бы жить, если бы не попал сюда. Говорится здесь и о моей находчивости и высоком интеллекте, что для людей почему-то оказывается неожиданностью. *Осьминоги – необычайно смьиленные создания*, сообщает табличка. Кроме того, она предупреждает людей о моих способностях к маскировке и советует приглядываться к аквариуму с особой тщательностью, поскольку я умею сливаться с песком.

На табличке не написано, что меня зовут Марцелл. Но человек по имени Терри, директор океанариума, иногда рассказывает об этом посетителям, которые собираются возле моего аквариума. “Видите его вон там, вдалеке? Это Марцелл. Он у нас особенный”.

Особенный. Что есть, то есть.

Имя для меня выбрала маленькая дочка Терри. Полностью оно звучит как Марцелл Маккальмарс. Да, очень несуразное имя. Многие люди из-за этого считают меня кальмаром – хуже оскорбления не придумать.

И как же вам меня называть? – спросите вы. Ну это вам решать. Вполне возможно, что вы тоже начнете говорить просто *он*, как и все остальные. Я надеюсь, что нет, но не буду держать на вас зла. В конце концов, вы всего лишь люди.

Я должен отметить, что наше знакомство может продлиться недолго. В табличке значится еще один факт – средняя продолжительность жизни гигантского осьминога. Четыре года.

Продолжительность моей жизни – четыре года, или 1460 дней.

Меня привезли сюда совсем еще молодым. Здесь я и умру, в этом самом аквариуме. До конца моего заключения остается от силы сто шестьдесят дней.

След в форме монеты

Това Салливан готовится к битве. Желтая резиновая перчатка пером канарейки выглядывает у нее из заднего кармана, когда она наклоняется, чтобы изучить своего врага.

Жвачка.

– Господи.

Она пытается поддеть плоский розоватый кругляш ручкой швабры. Поверхность кругляша покрыта грязными наслоениями рифленых следов от кроссовок.

Това никогда не понимала, зачем вообще нужны жвачки. И ведь люди постоянно их роняют где попало. Наверное, этот человек болтал без умолку и жвачка просто выпала у него из рта вместе с потоком ненужных слов.

Она опять наклоняется и ковыряет край кругляша ногтем, но тот не желает отделяться от плитки. А все потому, что кто-то не смог пройти десять футов до мусорной корзины. Однажды, когда Эрик был маленьким, Това застала его за попыткой приклеить жвачку под стол в кафе. Больше она ему жвачек не покупала, хотя за тем, на что он тратил карманные деньги в подростковом возрасте, как и за многими другими вещами, проследить уже не могла.

Ей потребуется особое оружие. Зубило, пожалуй. Ничем из того, что лежит в ее тележке, жвачку не отковырнуть.

Когда Това распрямляется, у нее хрустит спина. Она идет в подсобку, и ее шаги эхом разносятся по пустому круговому коридору, привычно залитому мягким голубым светом. Конечно, никто не станет винить ее, если она просто поелозит шваброй по плитке со жвачкой. Никто не ждет, что в семьдесят лет она будет отскребать полы дочиста. Но надо же попытаться.

Кроме того, это хоть какое-то занятие.

* * *

Това – самая пожилая сотрудница океанариума Соуэлл-Бэй. Каждый вечер она моет полы, протирает стекла и выносит мусор. Каждые две недели она забирает из своего шкафчика в комнате отдыха расчетный листок. Четырнадцать долларов в час, после вычета налогов и отчислений.

Сложенные листки отправляются в старую коробку из-под обуви, стоящую на холодильнике. Деньги копятся на счете в Кредитно-сберегательном банке Соуэлл-Бэй, и она их не снимает.

Она идет в подсобку целеустремленным шагом, который в любом случае выглядел бы впечатляюще, но когда так ходит миниатюрная старушка со сгорбленной спиной и птичьими косточками, это особенно удивительно. Окно на крыше, озаренное яркими фонарями на старом паромном причале, заливает дождь. Серебряные капли соскальзывают по стеклу лентами, мерцающими под туманным небом. Все то и дело повторяют, какой ужасный выдался июнь. Тову серость не беспокоит, хотя было бы неплохо, если бы дождь прекратился и дал лужайке перед домом просохнуть. От влажной травы забивается газонокосилка.

Здание океанариума, по форме напоминающее пончик, с крышей-куполом, с главным аквариумом в центре и аквариумами поменьше вдоль стен, не слишком велико и не производит особого впечатления – и, пожалуй, подходит для Соуэлл-Бэй, который сам по себе невелик и не производит особого впечатления. Подсобка находится с противоположной стороны кольцевого коридора, на другом конце диаметра от того места, где произошло столкновение Тovy со жвачкой. Белые кроссовки скрипят по чистому полу, оставляя на блестящей плитке тусклые следы. Разумеется, все придется мыть заново.

Она останавливается у неглубокой ниши с бронзовой статуей тихоокеанского морского льва в натуральную величину. Поблескивающие пятна потертостей на спине и на лысой голове, появившиеся за десятки лет, в течение которых дети гладили статую и залезали на нее, придают ей еще большую достоверность. Дома у Товы на каминной полке стоит фотография Эрика в возрасте лет одиннадцати или двенадцати – он сидит на морском льве верхом, улыбаясь во весь рот и подняв руку, как будто собирается бросить лассо. Морской ковбой.

Эта фотография – одна из последних, на которых он выглядит по-детски беззаботным. Това расставила фотографии Эрика в хронологическом порядке: вот из ребенка с беззубой улыбкой он превращается в привлекательного подростка в спортивной куртке с эмблемой школы, который уже вымахал выше отца. Вот прикалывает бутоньерку на платье девушки, с которой идет на осенний школьный бал. Вот он стоит на импровизированном подиуме на скалистом берегу темно-синего залива Пьюджет-Саунд, держа в руках кубок школьной регаты. Проходя мимо морского льва, Това касается его холодной головы и в очередной раз подавляет желание подумать о том, каким мог бы быть Эрик сейчас.

Но надо продолжать путь, и она идет дальше по тускло освещенному коридору. Перед аквариумом с синежаберниками она замедляет шаг.

– Добрый вечер, дорогие.

Следующие на очереди японские крабы.

– Здравствуйте, красавцы.

У остроногого малого бычка она спрашивает:

– Как поживаешь?

Угревидные зубатки Тове не по душе, но она кивает в знак приветствия. Нехорошо быть невежливой, хоть они и напоминают ей о фильмах ужасов по кабельному каналу, которые ее покойный муж Уилл любил смотреть среди ночи, когда тошнота от химиотерапии не давала ему спать. Из скалистой пещеры выползает самая большая зубатка, хмуро демонстрируя свой характерный неправильный прикус. Зазубренные клыки торчат из ее нижней челюсти, как иголки. Вид, мягко говоря, неприглядный. С другой стороны, разве внешность не обманчива? Това улыбается угревидной зубатке, хотя та никогда не смогла бы улыбнуться в ответ, даже если бы захотела, – с такой-то головой.

Следующий экспонат – любимец Товы. Она приближается к стеклу.

– Ну-с, сэр, и чем же вы сегодня занимались?

Обнаруживает она его не сразу: за камнем замечен краешек оранжевого щупальца. Его выдала мелкая оплошность – так случается с детьми во время игры в прятки. Например, когда из-за дивана торчит девичий хвостик или из-под кровати выглядывает нога в носке.

– Стесняешься?

Това отступает назад и ждет, но гигантский осьминог не шевелится. Она представляет дневных посетителей, которые стучат костяшками пальцев по стеклу, сердито фыркают и отходят, так ничего и не увидев. Люди разучились быть терпеливыми.

– Я тебя за это не виню. Там и правда уютно.

Щупальце дергается, но туловище так и не показывается.

* * *

Жвачка доблестно противостоит зубилу, но в конце концов отрывается от пола.

Това бросает засохший комок в мешок для мусора, и он соскальзывает в полиэтиленовое нутро с приятным шуршанием.

Това моет полы. Заново.

Мокрая плитка источает легкий запах уксуса с добавлением лимона. Это намного лучше, чем то кошмарное средство, которым они пользовались, когда Това только пришла сюда, –

ярко-зеленое, обжигающее ноздри. Това сразу же выразила свой протест. Во-первых, от этой химии кружилась голова, во-вторых, на полу оставались некрасивые разводы. Но хуже всего, пожалуй, было то, что от нее пахло как в больничной палате Уилла, пахло болезнью Уилла, хотя об этом Това умолчала.

Все полки в подсобке были забиты этой зеленой гадостью, но Терри, директор океана-риума, в конце концов пожал плечами и сказал, что Това может пользоваться какими угодно средствами, если будет покупать их сама. Разумеется, Това согласилась. Теперь каждый вечер она приносит бутылку уксуса и флакончик лимонного масла.

Пора собирать остальной мусор. Она опорожняет корзины в вестибюле и урну возле туалетов и переходит в комнату отдыха, где столешница вечно усыпана крошками. Хоть это и не входит в ее обязанности, поскольку об этом заботятся профессионалы из Элланда, которые приезжают раз в две недели, Това всегда протирает тряпкой низ старой кофеварки и забрызганные внутренности пахнущей спагетти микроволновки. Сегодня, впрочем, ее ждут проблемы посерьезнее: пустые коробки из-под еды навывнос на полу. Три штуки.

– Как не стыдно, – с упреком говорит Това пустой комнате. Сначала жвачка, а теперь это.

Она поднимает коробки и бросает их в корзину, которая почему-то сдвинута на несколько футов в сторону. Высыпав содержимое корзины в мешок для мусора, она возвращает ее на прежнее место.

Рядом стоит небольшой обеденный столик. Това выравнивает стулья. А потом замечает это.

Там что-то есть. Под столом.

Буровато-оранжевый комок в самом углу. Свитер? Маккензи, приятная молодая женщина, которая работает в кассе, часто вешает свой свитер на стул и забывает про него. Това опускается на колени, собираясь достать его и отнести в шкафчик Маккензи. Но тут комок шевелится.

Шевелится *щупальце*.

– Боже милостивый!

Откуда-то из мясистой плоти появляется осьминожий глаз. Похожий на стеклянный шарик зрачок расширяется, потом его прикрывает веко. Взгляд укоризненный.

Това моргает, подозревая, что собственные глаза ее подводят. Как мог гигантский осьминог выбраться из аквариума?

Щупальце снова шевелится. Существо запуталось в клубке проводов. Сколько раз она проклинала эти провода! Вечно они не дают нормально мыть полы.

– Ты застрял, – шепчет она, и осьминог поднимает огромную вытянутую голову, с усилием пытаясь вытащить одно из щупалец, вокруг которого несколько раз обмотался тонкий провод для зарядки мобильного телефона. Он делает усилие, и шнур стягивается туго, спиралью впиваясь в плоть. У Эрика когда-то была такая игрушка из магазина товаров для розыгрышей. Маленький плетеный цилиндр, в который надо с обеих сторон вставить указательные пальцы, а потом попытаться вытащить их одновременно. Чем сильнее тянешь, тем туго делается цилиндр.

Това медленно пододвигается ближе. Осьминог шлепает одной из конечностей по линолеуму, как бы говоря: *не подходи*.

– Ладно, ладно, – бормочет Това, выбираясь из-под стола.

Она встает, включает верхний свет, который заливает комнату отдыха флуоресцентным сиянием, и снова опускается на колени, на этот раз медленнее. Но тут, как обычно, ее спина издает хруст.

Услышав этот звук, осьминог снова пытается вырваться и с неожиданной силой толкает один из стульев. Тот скользит через всю комнату и ударяется в стену.

Из-под стола поблескивает невероятно ясный глаз.

Преисполненная решимости, Това подползает ближе, пытаясь унять дрожь в руках. Сколько раз она проходила мимо таблички под аквариумом с гигантским осьминогом? Она не может припомнить, чтобы там говорилось, что осьминоги представляют серьезную угрозу для людей.

Их уже разделяет всего фут. Осьминог будто съежился, кожа его побледнела. Есть ли у осьминогов зубы?

– Дружок, – говорит она мягко. – Я сейчас просуну руку за тебя и отсоединю шнур.

Приглядевшись, она понимает, какой именно провод стал причиной его затруднительного положения. Дотянуться можно.

Глаз осьминога следит за каждым ее движением.

– Я не причиню тебе вреда, милый.

Свободное щупальце постукивает по полу, точно хвост домашней кошки.

Когда она выдергивает вилку, осьминог вздрагивает и подается назад. Това тоже вздрагивает. Она ждет, что он улизнет вдоль стены к двери, куда явно стремился и раньше.

Но вместо этого он придвигается ближе.

Одна из его конечностей рыжеватой змеей скользит к Тове. За считанные секунды обвивается вокруг ее предплечья, потом обхватывает локоть и плечо, будто лента с майского дерева. Това чувствует, как к ее коже цепляется каждая присоска. Она машинально пытается выдернуть руку, но осьминог сжимает ее так крепко, что становится почти неприятно. Правда, его причудливый глаз игриво поблескивает, как у шаловливого ребенка.

Пустые картонки из-под еды навынос. Сдвинутая мусорная корзина. Теперь все становится понятно.

И вдруг осьминог отпускает Тovu. Она изумленно наблюдает, как он выбирается из комнаты отдыха, присасываясь к полу самой толстой частью каждой из восьми ног. Его мантия будто волочится за ним, кажется, что он выглядит еще бледнее и ползет с усилием. Това спешит за ним, но, когда она выходит в коридор, осьминога уже и след простыл.

Това проводит рукой по лицу. У нее что-то с головой. Да-да. Разве не так все начинается? С галлюцинаций об осьминоге.

Много лет назад она наблюдала, как у ее матери постепенно ускользает рассудок. Началось с того, что она стала забывчивой, знакомые имена и даты внезапно выпадали из головы. Но Това не забывает номера телефонов и не ловит себя на том, что роется в памяти в поисках имен. Она переводит взгляд на свою руку, которая вся в маленьких кружочках. Следы от присосок.

Не переставая недоумевать, она заканчивает вечерние дела и принимается за свой традиционный последний обход здания, чтобы пожелать его обитателям спокойной ночи.

– Спокойной ночи, синежаберники, угревидные зубатки, японские крабы, остроносый малый бычок. Спокойной ночи, анемоны, морские коньки, морские звезды.

За поворотом она продолжает:

– Спокойной ночи, тунец, камбала и скаты. Спокойной ночи, медузы и морские огурцы. Спокойной ночи, акулы, мои бедняжки.

Това всегда испытывает большое сочувствие к акулам, которые выписывают бесконечные круги в своем аквариуме. Она понимает, каково это – когда ты все время должен двигаться, иначе просто не сможешь дышать.

Вот и осьминог, снова спрятавшийся за своим камнем. На виду только кусочек его туловища. Окрас стал немного ярче по сравнению с тем, каким он был в комнате отдыха, но все еще бледнее обычного. Что ж, может, так ему и надо. Нечего было сбегать. Да и как он умудрился выбраться? Она вглядывается в рябь на поверхности воды, изучает стенки под бортиком, но на вид все в порядке.

– Безобразник, – говорит она, качая головой, и еще на минутку задерживается перед его аквариумом, прежде чем уйти.

* * *

Това нажимает на брелок, и желтый хэтчбек пиликает и мигает габаритными огнями – никак она к этому не привыкнет. Когда она только устроилась сюда на работу, подруги, которые в шутку называют себя Крючкотворщицами, любительницы совместных посиделок, убедили ее, что ей нужна новая машина. Они утверждали, что ездить поздно вечером на старом автомобиле небезопасно. Неделями зудели.

Иногда проще сдаться.

Как обычно, поставив бутылку с уксусом и флакончик с лимонным маслом в багажник, – сколько бы раз Терри ни говорил, что можно держать их в подсобке, никогда не знаешь, где еще могут пригодиться уксус с лимоном, – Това бросает взгляд на пирс. В этот поздний час там пусто, рыбаки давно ушли. Старый паромный причал напротив океанариума похож на какой-то обветшалый механизм. Подточенные водой сваи обросли морскими желудями. Во время прилива за их раковинки цепляются нити водорослей, а с отливом водоросли высыхают, превращаясь в черно-зеленый налет.

Това шагает по потемневшим деревянным доскам. Как и всегда, старая билетная касса находится ровно в тридцати восьми шагах от ее парковочного места.

Она еще раз оглядывается – нет ли поблизости случайных прохожих, не скрывается ли кто в длинных тенях. Прижимает руку к стеклянному окошку кассы, которое пересекает диагональная трещина, напоминающая старый шрам на чьей-то щеке.

Потом идет на пирс, к своей обычной скамейке. Та вся мокрая от соленых брызг и испещрена пятнами чаячьего помета. Това садится, закатывает рукав и разглядывает странные круглые отметины, надеясь, что они уже исчезли. Но они по-прежнему видны. Она проводит подушечкой пальца по самой большой из них, на внутренней стороне запястья. Пятно размером с серебряную монету в один доллар. Скоро ли оно сойдет? Останется ли синяк? Синяки у нее в последнее время появляются очень часто, и след уже приобрел бордовый оттенок, как кровавый волдырь. Может, он теперь вообще никогда не сойдет. Отметина в форме долларовой монетки.

Туман рассеялся, легкий ветерок сдул его от берега, унес к предгорьям. С южной стороны стоит на якоре грузовое судно, низко просевшее под тяжестью контейнеров, которые рядами составлены на палубе, точно детские кубики. Лунный свет мерцает в воде, покачивается на ее поверхности тысячью свечей. Това закрывает глаза, представляя, как он там, под этой гладью, зажигает свечи для нее. Эрик. Ее единственный сын.

1300-й день в неволе

Крабы, моллюски, креветки, гребешки, сердцевидки, морские ушки, рыба, икра. Согласно табличке рядом с моим аквариумом, таков рацион гигантского осьминога.

В море, судя по всему, роскошный шведский стол. Все эти деликатесы можно попробовать бесплатно.

А что мне предлагают здесь? Макрель, палтуса и – главным образом – сельдь. Сельдь, опять сельдь, очень много сельди. Мерзкие создания, отвратительные рыбы. Уверен, что причина их изобилия заключается в дешевизне. Акул в главном аквариуме вознаграждают за тупость свежим морским окуном, а мне дают размороженную селедку. Иногда даже не до конца размороженную. Вот поэтому-то я и вынужден брать дело в свои шупальца, когда меня влечет восхитительная текстура свежей устрицы, когда тянет ощутить, как под моим острым клювом ломается панцирь краба, когда манит сладкая, упругая мякоть морского огурца.

Иногда тюремщики бросают мне гребешок-другой, пытаюсь меня подкупить, чтобы я не сопротивлялся при медицинском обследовании или сыграл в какую-нибудь из их игр. А время от времени Терри подкидывает мне пару мидий просто так.

Конечно, я много раз пробовал крабов, моллюсков, креветок, сердцевидок и морские ушки. Мне просто приходится добывать их самостоятельно, когда океанариум закрывается для посетителей. Икра – идеальная закуска как с точки зрения гастрономического удовольствия, так и с точки зрения питательной ценности.

Здесь можно было бы составить третий список, который состоял бы из того, что люди требуют им купить, но что большинство разумных существ сочли бы совершенно непригодным к употреблению. Например, все содержимое торгового автомата в вестибюле.

Но сегодня вечером меня привлек другой запах. Сладкий, солоноватый, пикантный. Я обнаружил источник запаха в корзине для мусора: остатки еды прятались в хлипком белом контейнере.

Что бы это ни было, это было восхитительно. Но если бы мне не повезло, я мог бы погибнуть.

Уборщица. Она меня спасла.

Фирменное печенье

Когда-то Крючкотворищиц было семь. Теперь их четыре. Каждый год за столом появляется еще одно пустое место.

– Ну ничего себе, Това!

Мэри Энн Минетти с изумлением смотрит на руку Тovy и ставит на обеденный стол заварочный чайник. Он укутан в вязаный желтый чехол, который, скорее всего, кто-то из них связал еще в те давнишние времена, когда Крючкотворищицы на своих еженедельных встречах действительно занимались вязанием. Чехол сочетается с украшенной стразами желтой заколкой на виске Мэри Энн, которая удерживает ее рыжеватые кудряшки.

Пока Това наливает себе чаю, Дженис Ким разглядывает ее руку.

– Может, аллергия?

Пар от улуна затуманивает ее круглые очки, и она снимает их и протирает краем футболки, которая, как подозревает Това, принадлежит ее сыну Тимоти: эта футболка велика Дженис как минимум на три размера, и вдобавок на ней логотип корейского торгового центра в Сиэтле, где Тимоти несколько лет назад вложил деньги в ресторан.

– Это пятнышко? – говорит Това, одергивая рукав свитера. – Да это ерунда.

– Сходила бы ты провериться.

Барб Вандерхуф кладет себе в чай третий кусочек сахара. Ее короткие седые волосы уложены с помощью геля и стоят торчком, как иголки, – в последнее время это одна из ее любимых причесок. Представ в новом образе впервые, она пошутила, что таким колючкам, как она, только колючки и подобают, и Крючкотворищицы рассмеялись. Уже в который раз Това думает, каково будет ткнуть пальцем в одну из иголок на голове подруги. Интересно, уколет ли ее прядка, как морской еж в океанариуме, или скукожится от прикосновения?

– Это ерунда, – повторяет Това. Мочки ее ушей теплеют.

– Я хочу тебе кое-что сказать. – Барб отхлебывает чаю и продолжает: – Ты же знаешь мою Энди? У нее появилась такая сыпь в прошлом году, когда она приезжала на Пасху. Заметь, сама я ее не видела, она была, скажем так, в деликатном месте, если ты понимаешь, о чем я, но это не та сыпь, какая бывает от неприличного поведения, заметь. Нет, просто сыпь. В общем, я сказала, что ей надо сходить к моему дерматологу. Он замечательный. Но моя Энди упрямая как баран, ты же знаешь. И эта сыпь становилась все хуже, и...

Дженис перебивает Барб:

– Това, хочешь, Питер кого-нибудь порекомендует?

Муж Дженис, доктор Питер Ким, уже на пенсии, но у него хорошие связи в медицинских кругах.

– Мне не нужен врач. – Това заставляет себя слабо улыбнуться. – Это просто мелкое происшествие на работе.

– На работе!

– Происшествие!

– Что случилось?

Това делает глубокий вдох. Она все еще чувствует, как щупальце обвивается вокруг ее руки. За ночь пятна побледнели, но все равно настолько темные, что бросаются в глаза. Она снова дергает рукав.

Рассказать им?

– Проявила неосторожность во время уборки, – наконец говорит она.

Три пары глаз за столом смотрят на нее недоверчиво.

Мэри Энн вытирает воображаемое пятно со столешницы одним из кухонных полотенец.

– Ох уж эта твоя работа, Това! В прошлый раз, когда я была в океанариуме, я чуть с обедом не распрощалась из-за жуткой вони. И как ты это терпишь?

Това берет шоколадное печенье с блюда, которое Мэри Энн заблаговременно поставила на стол. К приходу подруг Мэри Энн разогревает печенье в духовке. Она всегда заявляет, что к чаю обязательно должно быть что-нибудь приготовленное своими руками. Пачку печенья Мэри Энн купила в “Шоп-Уэй”. Все Крюкотворщицы это знают.

– Это же просто помойка. Конечно, там воняет, – говорит Дженис. – Но и правда, Това, у тебя все хорошо? Физический труд – в нашем-то возрасте! Сдалась же тебе эта работа.

Барб скрещивает руки на груди.

– Я некоторое время работала в церкви Святой Анны после смерти Рика. Чтобы время скоротать. И знаете, мне предложили руководящую должность.

– Бумажки перебирать, – бурчит Мэри Энн. – Ты перебирала бумажки.

– И уволилась, потому что они не смогли организовать все так, как хотелось тебе, – говорит Дженис сухо. – Но суть в том, что ты не стояла на четвереньках и не драила полы.

Мэри Энн склоняется к Тове:

– Това, я надеюсь, ты понимаешь, что если тебе нужна помощь...

– Помощь?

– Да, помощь. Я не знаю, как Уилл распоряжался вашими финансами.

Това напрягается.

– Спасибо, но у меня нет в этом необходимости.

– А если появится? – Губы Мэри Энн сжимаются.

– Не появится, – тихо отвечает Това.

И это правда. Средств на банковском счете Товы в несколько раз больше той суммы, которая покроет ее скромные потребности. Она не нуждается в благотворительности ни от Мэри Энн, ни от кого другого. Да и как их вообще угораздило поднять эту тему – а все из-за нескольких отметин на руке.

Выйдя из-за стола, Това отставляет чашку и опирается на кухонную стойку. Окно над раковиной выходит в сад Мэри Энн, где под низким серым небом ежатся кусты рододендрона. Нежные пурпурные лепестки будто дрожат, когда ветерок треплет ветви, и Това жалеет, что не может спрятать их обратно в бутоны. Воздух для середины июня не по сезону прохладный. Лето в этом году явно не торопится.

На подоконнике у Мэри Энн целая коллекция религиозной атрибутики: стеклянные ангелочки с умильными лицами, свечи, маленькая армия блестящих серебряных крестов разных размеров, выстроенных в ряд, как солдаты. Мэри Энн, видимо, начищает их каждый день, чтобы они всегда сияли.

Дженис кладет руку ей на плечо:

– Това? Прием-прием?

Това не может сдержать улыбку. Интонация Дженис наводит на мысль, что та снова увлеклась ситкомами.

– Не сердись, пожалуйста. Мэри Энн ничего такого не имела в виду. Мы просто беспокоимся.

– Спасибо, но у меня все хорошо. – Това похлопывает Дженис по руке.

Дженис вздергивает аккуратно выщипанную бровь и подталкивает Тову обратно к столу. Она явно понимает, что Това решительно не хочет больше это обсуждать, и поэтому выбирает самую очевидную тему для разговора.

– Ну, Барб, что нового у девочек?

– О, я еще не говорила? – Барб театрально набирает в грудь воздуха. Никому никогда не приходилось дважды просить Барб рассказать о жизни ее дочерей и внуков. – Энди должна

была привезти девочек на летние каникулы. Но возникла одна *загвоздка*. Именно так она и выразилась: *загвоздка*.

Дженис протирает очки одной из вышитых салфеток Мэри Энн.

– Да?

– Они не приезжали с прошлого Дня благодарения! На Рождество они с Марком повезли детей в *Лас-Вегас*. Вы представляете? Кто проводит праздники в *Лас-Вегасе*? – Барб произносит обе части названия, Лас и Вегас, с таким нажимом и презрением, с каким другой мог бы сказать “прокисшее молоко”.

Дженис и Мэри Энн качают головами, а Това берет еще одно печенье. Все три женщины сочувственно кивают, когда Барб начинает рассказ о дочери и ее семье, которые вообще-то живут в двух часах езды отсюда, в Сиэтле, но вполне можно подумать, что в другом полушарии, судя по тому, как редко Барб, по ее словам, с ними видится.

– Я сказала им, что очень надеюсь скоро обнять внучат. Одному Господу известно, как долго я пробуду на этом свете.

Дженис вздыхает:

– Прекрати, Барб.

– Извините, я на минутку. – Стул Товы скрипит по линолеуму. Направляясь в уборную, она слышит, как подруги шепотом упрекают Барб.

* * *

Как можно понять из названия, Крючкотворщицы изначально были членами клуба любителей вязания. Тридцать лет назад несколько женщин из Соуэлл-Бэй впервые встретились, чтобы обменяться пряжей. В конце концов эти встречи стали для них убежищем, способом вырваться из осиротевших домов, заполнить горько-сладкие пустоты, которые остались после детей, которые выросли и зажили своей жизнью. Главным образом по этой причине Това сперва не хотела к ним присоединяться. В ее пустоте не было сладости, только горечь; к тому времени прошло пять лет, как не стало Эрика. Какой свежей ощущалась тогда эта рана, как мало требовалось, чтобы сорвать коросту и снова выступила кровь.

Кран в уборной Мэри Энн пищит, когда Това открывает его. Жалобы подруг не сильно изменились за эти годы. Раньше они сетовали на то, что до университета очень далеко ехать и что звонят им только по воскресеньям днем. Теперь сетуют на внуков и правнуков. Эти женщины всегда гордо выставляли материнство напоказ, но Това прячет свое внутри, глубоко в животе, как пулю от застарелой раны. Оно только ее.

За несколько дней до исчезновения Эрика Това испекла на его восемнадцатилетие миндальный торт. После этого в доме еще не один день пахло марципаном. Она до сих пор помнит, как этот запах стоял у нее на кухне, будто гость-невежа, который не знает, когда пора уходить.

Сначала исчезновение Эрика сочли побегом. Последним, кто его видел, был один из матросов, работавших на пароме, который в одиннадцать часов отходил в южном направлении, – последнем пароме в тот вечер – и этот матрос не сообщил ничего необычного. После отправления парома Эрик должен был запереть билетную кассу, что он всегда прилежно и делал. Эрик очень радовался, что ему доверили ключ, хотя, в конце концов, это была всего лишь летняя подработка. Шериф сказал, что кассу нашли незапертой, но все наличные были на месте. Рюкзак Эрика обнаружился под стулом, там же лежали его кассетный плеер, наушники и даже кошелек. Сначала шериф предположил, что Эрик мог куда-то отойти и собирался вернуться, потом они решили, что тут имел место какой-то злой умысел, но и эту версию в итоге исключили.

Зачем выходить из кассы одному, когда он на дежурстве? Това так этого и не поняла. Уилл всегда придерживался теории, что тут замешана девушка, но никаких следов девушки –

или парня, если уж на то пошло, – так и не нашли. Друзья Эрика уверяли, что он ни с кем не встречался. Уверяли, что если бы встречался, то об этом узнали бы все. Эрик был популярен.

Неделю спустя нашли лодку – старую ржавую яхту “Сан Кэт”, пропажи которой с крошечной пристани, когда-то соседствовавшей с паромным причалом, никто сразу и не заметил. Лодку вынесло на берег с перерезанным якорным канатом. На руле обнаружили отпечатки Эрика. Улик мало, но все указывает на то, что мальчик покончил с собой, сказал шериф.

Сказали соседи.

Сказали в газетах.

Все так сказали.

Това никогда в это не верила. Ни минуты.

Она вытирает лицо насухо и моргает, глядя на свое отражение в зеркале уборной. Крючкотворщицы были ее подругами много лет, а иногда ей все еще кажется, что она деталь пазла, которая по ошибке попала не в ту картинку.

* * *

Това берет чашку из раковины, наливает себе немного свежего улуна, возвращается к своему стулу и к разговору. Обсуждают соседа Мэри Энн, который подает в суд на своего ортопеда после неудачной операции. Все соглашаются, что врач должен понести ответственность. Потом наступает черед воркования над фотографиями маленького йоркширского терьера Дженис, Роло, который часто является на собрания Крючкотворщиц в сумочке Дженис. Сегодня Роло остался дома с несварением желудка.

– Бедный Роло, – говорит Мэри Энн. – Ты думаешь, он съел что-то не то?

– Перестала бы ты кормить собаку человеческой едой, – говорит Барб. – Рик то и дело давал нашему Салли объедки со стола у меня за спиной. Но я каждый раз догадывалась. До чего вонючее у него было говно!

– Барбара! – восклицает Мэри Энн, округляя глаза. Дженис и Това смеются.

– Ну уж простите за выражение, но разило от этой собаки на всю комнату. Пусть земля ей будет пухом. – Барб складывает ладони, как в молитве.

Това знает, как нежно Барб любила своего золотистого ретривера Салли. Может, даже больше, чем покойного мужа Рика. И в прошлом году, всего за несколько месяцев, она потеряла их обоих. Това иногда думает, уж не лучше ли, когда трагедии в жизни идут одна за другой, чтобы все отболело сразу. Покончить со всем одним выстрелом. Това знает, что и в глубинах отчаяния есть дно. Как только душа пропитывается горем насквозь, все остальное просто переливается через край, стекает с нее, как кленовый сироп с утренних панкейков по субботам, когда Эрику разрешали поливать их самому.

В три часа дня, когда Крючкотворщицы забирают свои кофты и сумочки, висящие на спинках стульев, Мэри Энн отводит Тову в сторону:

– Пожалуйста, дай знать, если понадобится помощь.

Мэри Энн сжимает руку Тovy, и ее оливковая кожа итальянки выглядит куда более свежей и подтянутой. Скандинавские гены Тovy, такие щедрые в юности, с возрастом обернулись против нее. К сорока годам волосы цвета кукурузных волокон поседели. К пятидесяти морщины на лице стали казаться высеченными в глине. Теперь она иногда мельком видит в витрине магазина собственное отражение и замечает, как начали сутулиться плечи. Она не верит, что это тело и правда принадлежит ей.

– Уверю тебя, не нужна мне помощь.

– Если работа станет тебе не по силам, ты уйдешь. Правда же?

– Конечно.

– Хорошо. – По лицу Мэри Энн видно, что ее это не убедило.

– Спасибо за чай, Мэри Энн. – Това надевает кофту и улыбается всей компании. – Чудесно было, как всегда.

* * *

Това похлопывает по приборной панели и нажимает на газ, заставляя хэтчбек еще раз переключиться на более низкую передачу. Машина со стоном взбирается в гору.

Дом Мэри Энн расположен на дне широкой долины, где когда-то не было ничего, кроме полей нарциссов. Това помнит, как проезжала по этим полям, когда была маленькой, устроившись бок о бок со старшим братом Ларсом на заднем сиденье семейного “паккарда”. Папа сидел за рулем, мама рядом с ним, опустив стекло и прижимая шарфик подбородком, чтобы не улетел. Това тоже открывала окно и, насколько могла, высовывала голову наружу. В долине сладковато пахло навозом. Миллионы желтых головок в шляпках сливались в целое солнечное море.

Теперь здесь раскинулся пригород. Каждые пару лет в округе начинается большая суматоха: жители требуют перестроить дорогу, идущую вверх по склону. Мэри Энн всегда пишет письма в совет. Подъем слишком крутой, твердит она, опасность оползней слишком большая.

– Для нас не слишком крутой, – говорит Това, когда хэтчбек переваливает через гребень.

По эту сторону холма на воде ослепительно сверкает пятно солнечного света, пробивающегося сквозь брешь в облаках. Потом, словно марионетку дернули за ниточки, брешь расширяется, заливая Пьюджет-Саунд сиянием.

– Ну и ну, – говорит Това и опускает щиток. Щурясь, она поворачивает направо на Саунд-Вью-драйв, которая проходит вдоль холмов над водой. К дому.

Наконец-то солнце! Давно пора обрезать отцветшие астры, но последние недели погода, не по сезону холодная и дождливая даже для северо-западного тихоокеанского побережья, не вызвала большого желания поработать в саду. При мысли о том, чтобы заняться чем-то полезным, Това сильнее давит на газ. Может, успеет разделаться с клумбой до ужина.

По пути на задний двор она торопливо проходит через весь дом, чтобы налить себе стакан воды, и останавливается нажать мигающую красную кнопку автоответчика. Память этого устройства постоянно набита чепухой, ей все время пытаются что-нибудь продать, но она всегда первым делом стирает сообщения. Как вообще можно жить, когда где-то на заднем плане мигает красная лампочка?

Первая запись: кто-то собирает пожертвования. *Удалить.*

Второе сообщение явно от мошенников. Неужели кто-то настолько глуп, что будет перезванивать и называть номер своего банковского счета? *Удалить.*

Третье сообщение явно записалось по ошибке. Приглушенные голоса, потом щелчок. Звонок попой, как выражается Дженис Ким. Вот чем грозит нелепая мода держать телефон в кармане. *Удалить.*

Четвертое сообщение начинается с долгого молчания. Палец Товы уже зависает над кнопкой удаления, когда раздается женский голос.

– Това Салливан? – Женщина делает паузу. – Это Морин Кокран. Из Центра комплексного ухода “Чартер-Виллидж”.

Стакан Товы, звякнув, ударяется о стойку.

– Боюсь, у меня плохие новости...

С резким щелчком Това нажимает на кнопку, чтобы заставить автоответчик замолчать. Ей больше не нужно ничего слышать. Этого сообщения она ждала довольно долго.

Ее брат Ларс.

1301-й день в неволе

Вот как я это делаю.

В стеклянной крышке моего аквариума есть отверстие для помпы. Между кожухом помпы и стеклом есть зазор, достаточно широкий, чтобы я мог просунуть в него кончик щупальца и открутить кожух. Помпа оказывается внутри аквариума, и за ней открывается проем. Он невелик. Шириной в два-три человеческих пальца.

Вы скажете: “Но это же очень мало! А ты огромный!”

Это правда, но мне нетрудно изменить форму туловища, чтобы просочиться через отверстие. Это самая легкая часть.

Я соскальзываю по стеклу в насосную за аквариумом. Теперь начинаются трудности. Можно сказать, время поджидает. После того как я выберусь из аквариума, в воду мне нужно вернуться в течение восемнадцати минут, иначе наступят Последствия. Восемнадцать минут – вот сколько я могу продержаться без воды. Этого факта, конечно, на табличке у моего аквариума нет. Я сам это вычислил.

Оказавшись на холодном полу, я должен решить, оставаться ли мне в насосной или взломать дверь. Каждый вариант имеет свои достоинства и издержки.

Если я выбираю остаться в насосной, отсюда легко добраться до ближайших к моему аквариумов. Увы, их привлекательность ограничена. Угревидные зубатки совсем не вариант по вполне очевидным причинам. Ну и зубищи! Тихоокеанская морская крапива слишком острая, желтобрюхие немертины не жуются. Вкус мидий меня не вдохновляет, зато морские огурцы – настоящее лакомство, но тут приходится проявлять выдержку. Если я съем больше чем пару штук, я рискую привлечь внимание Терри.

С другой стороны, если я решаю взломать дверь, мне открывается доступ в коридор и главный аквариум. Меню там посolidнее. Но за это приходится платить: во-первых, я вынужден потратить несколько минут на то, чтобы открыть дверь. Во-вторых, поскольку дверь тяжелая и сама по себе не держится, у меня уходит еще несколько минут, чтобы снова открыть ее и попасть обратно.

“Так почему бы не подпереть ее?”

Конечно.

Однажды я так и сделал. Подпер дверь табуреткой, стоящей у моего аквариума. Воспользовавшись лишними минутами свободы, я опустошил ведро с кусками свежего палтуса, которое Терри оставил под шлюзовой камерой главного аквариума. (Скорее всего, палтус должен был стать завтраком для акул на следующее утро. Но эти безмозглые акулы дня от ночи не отличат. Ни о чем не жалею.)

Пока я тешил себя такой иллюзией досуга, вечер был почти приятным. Пожалуй, с самого попадания в неволю я не проводил время лучше. Но по возвращении я обнаружил то, чего по сей день не могу понять, – каким-то хитрым образом табуретка не удержала дверь.

Вывод: подпертой двери доверять нельзя.

К тому времени, когда я смог открыть дверь, я почти выбился из сил. Последствия ощущались уже в полной мере.

Мои конечности шевелились едва-едва, зрение затуманилось. Мантия отяжелела и липла к полу. Сквозь пелену я видел, что мое туловище побледнело до однотонного коричневатого-серого цвета.

На обратном пути пол в насосной больше не казался холодным. Температура поверхностей перестала ощущаться совсем. Каким-то образом неуклюжие присоски все же втащили меня наверх по стеклу.

Я просунул щупальца и мантию в проем. Остановился, зависнув над поверхностью воды. Щупальца полностью онемели, лишившись чувствительности.

На мгновение я задумался. Ничего – это тоже что-то. Что может лежать по ту сторону жизни?

Когда вода приняла меня, я пришел в себя. Зрение восстановилось, и я различил знакомые очертания аквариума. Я обвил щупальце вокруг помпы и водворил ее на место, закрыв дыру. Пока я возился, прикручивая кожух, ко мне вернулся мой обычный цвет. Мантия расправилась в холодной воде, когда я заскользил, сильный и быстрый, к своему убежищу за камнем. Живот, до отвала набитый палтусом, приятно ныл.

Я отдыхал у себя в убежище, и три моих сердца колотились. Монотонный стук тупого облегчения. Низменный инстинкт, пробужденный неожиданной победой над смертью. Полагаю, что именно так чувствует себя моллюск, зарывшийся в песок прямо у меня под клювом. Я перехитрил судьбу, как могли бы сказать вы, люди.

Последствия. Это не единственный раз, когда я испытал их на себе. Были и другие случаи, когда я расширял границы своей свободы. Но больше я уже не пытался подпереть дверь в расчете на несколько лишних минут.

Конечно, мне не нужно объяснять, что Терри не знает об этом проеме. Никто, кроме меня, не знает об этом проеме. И поскольку хотелось бы, чтобы так оно было и впредь, я буду очень благодарен вам за молчание.

Вы спросили. Я ответил.

Вот как я это делаю.

Любовные похождения в парке трейлеров “Велина”

Кэмерон Кассмор моргает, пытаясь защититься от безжалостного солнца, бьющего в лобовое стекло. Нужно было брать темные очки. Суббота, девять утра, и надо же тащиться с бодуна в “Велину” в такую несусветную рань... тьфу. Сушняк дикий, и Кэмерон вынимает из подстаканника в пикапе Брэда открытую банку и делает глоток. Какой-то мерзкий энергетик. Он с отвращением сплевывает в открытое окно и вытирает рот рукавом рубашки, потом сминая банку и бросает ее на пустое пассажирское сиденье.

– Что-что? С чем разобраться? – Брэд поморгал мутными слезящимися глазами, когда Кэмерон попросил одолжить ему машину.

После вчерашнего суперского авангард-метал-концерта “Мотыльковой колбасы” в пивной “Деллз” Кэмерон завалился на ночь к Брэду и Элизабет и заснул у них на диване.

– С клематисом, – сказал Кэмерон.

Судя по звонку паникующей тети Джин, похоже было, что этот мудила хозяин опять докопался до ее цветов. В прошлый раз кончилось тем, что он пригрозил выселить ее из-за этого вьюнка.

– Что за фигня такая – клематис? – Брэд неуверенно улыбнулся. – Звучит прямо-таки непристойно.

– Это растение, придурок. – Кэмерон не потрудился пояснить, что это цветущий и вьющийся многолетник семейства лютиковые. Происходит из Китая и Японии, завезен в Западную Европу в Викторианскую эпоху и ценится за способность оплетать шпалеры.

Почему он помнит всю эту ерунду? Вот бы можно было вышвырнуть из головы весь этот мусор бесполезных сведений. Свернув на шоссе, ведущее к парку трейлеров, где живет тетя Джин, и набирая скорость, Кэмерон опускает все окна и закуривает сигарету; в последнее время он делает это только в тех случаях, когда ему погано, а сегодня утром ему просто поганее некуда. Дым выплывает из окна и растворяется над плоскими, пыльными сельскохозяйственными угодьями долины Мерсед.

* * *

В саду тети Джин на ветру качаются маргаритки. Еще у нее есть какой-то огромный куст, весь в белых цветах, что-то похожее на мерцающую вуаль, и фонтанчик, который, как Кэмерон знает, работает от шести пальчиковых батареек, потому что она просит его помочь ей их поменять чуть ли не каждый раз, когда он приезжает.

И лягушки. Здесь повсюду лягушки. Маленькие бетонные статуэтки лягушек, все в трещинах, из которых растет мох, цветочные горшки с лягушками, висящий на ржавом металлическом крюке звездно-полосатый ветроуказатель, на котором сидят три ухмыляющиеся лягушки, патриотически разодетые в красный, белый и синий.

Летние лягушки.

Если бы в парке трейлеров “Велина” вручали приз за лучший сад, тетя Джин явно нацелилась бы на него. И победила бы. Но самое удивительное – это резкий контраст между ее идеальным садом и домом, где, как знает Кэмерон, творится настоящий кошмар.

Ступеньки скрипят под его рабочими ботинками. Из ручки сетчатой двери торчит клочок бумаги. Он приподнимает краешек: флаер чемпионата по бинго в парке “Велина”. Господи. Он комкает его и засовывает в карман. Не может быть, чтобы тетя Джин ходила на эти идиотские соревнования. В этом месте отвратительно все. Даже название. “Велина”. По-гавайски это “добро пожаловать”. Только вот здесь, конечно, ни хрена не Гавайи.

Он собирается нажать на дверной звонок, который, разумеется, сделан в форме лягушки, но тут из-за дома доносятся крики.

– Если бы эта старая карга Сисси Бейкер не лезла не в свое дело, никому бы и в голову такая чушь не пришла! – Голос тети Джин сочится угрозой, и Кэмерон представляет, как она стоит в своей любимой серой толстовке, нахмурившись и уперев руки в бочкообразные бедра. Он не может удержаться от улыбки, пока идет вдоль дома.

– Джин, пожалуйста, постарайся вникнуть. – Голос у хозяина тихий, тон покровительственный. Джимми Дельмонико. Первокласный засранец, что есть, то есть. – Других жителей вовсе не радует перспектива наткнуться на змею. Ты же это понимаешь, правда?

– Нету там никаких змей! И ты вообще кто, чтобы указывать мне, что делать с моим кустом?

– Существуют правила, Джин.

Кэмерон торопливо выходит на задний двор. Дельмонико свирепо смотрит на раскрасневшуюся тетю Джин: она действительно в той самой серой толстовке. В руках тетя Джин сжимает пучок толстых глянцевитых плетей, увивающих шпалеру, которая прикреплена к обитой сайдингом задней стене дома. Рядом прислонена трость, наконечником ей служит выцветший зеленый теннисный мячик.

– Кэмми!

Тетя Джин – единственный человек на планете, которому можно так его называть.

Он быстро подходит к ней и улыбается, когда она торопливо его обнимает. От нее, как обычно, пахнет старым кофе. Потом он с каменным лицом поворачивается к Дельмонико и спрашивает:

– В чем дело?

Тетя Джин хватает трость и обвиняюще тычет ею в хозяина.

– Кэмми, скажи ему, что нету у меня в клематисе змей! Он хочет, чтоб я его срезала. А все потому, что Сисси Бейкер якобы что-то там углядела. Все знают, что эта старая гримза почти ничего не видит.

– Вы же слышали. Нет там змей, – твердо говорит Кэмерон, кивнув в сторону плетей, которые с его последнего визита разрослись густо и пышно. Сколько времени прошло? Месяц?

Дельмонико щиплет себя за переносицу.

– Я тоже рад тебя видеть, Кэмерон.

– А я-то как рад.

– Послушайте, так сказано в уставе парка “Велина”, – со вздохом говорит Дельмонико. – Когда житель подает жалобу, я обязан провести расследование. А миссис Бейкер сказала, что видела змею. Сказала, что видела прямо вон в том растении мигающие желтые глаза.

Кэмерон усмехается:

– Ясно же, что она врет.

– Ясно же, – вторит тетя Джин, но косится на него озадаченно.

– Вот как? – Дельмонико скрещивает руки на груди. – Миссис Бейкер живет здесь уже много лет.

– Сисси Бейкер брешет как сивый мерин.

– Кэмми! – Тетя Джин шлепает его по руке, упрекая за грубость. Уж кому-кому бы возмущаться, но не женщине, которая учила его говорить: “А – алкаш, Б – болван”, когда он осваивал алфавит.

– Простите? – Дельмонико спускает очки на нос.

– Змеи не могут моргать. – Кэмерон закатывает глаза. – Не могут. У них нет век. Сами проверьте.

Хозяин открывает рот, потом резко его захлопывает.

– Дело закрыто. Нет тут змей.

Кэмерон тоже скрещивает на груди руки, которые как минимум вдвое больше в объёме, чем у Дельмонико. Последний день бицепсов в спортзале удался.

Дельмонико выглядит так, словно предпочел бы сейчас уйти. Изучая собственные ботинки, он бурчит:

– Даже если это правда, про змей и веки... есть постановления. Вините администрацию округа, если хотите, но когда кто-то сообщает, что на моей территории завелись вредители...

– Я же сказала, нету тут змей! – Тетя Джин вскидывает руки. Трость падает на траву. – Ты слышал моего племянника. Нету век! Знаешь, в чем тут дело? Сисси Бейкер завидует моему саду.

– Ну-ну, Джин. – Дельмонико успокаивающе поднимает ладонь. – Все знают, что у тебя прекрасный сад.

– Сисси Бейкер врет и вообще слепая!

– Как бы то ни было, существуют правила. Если возникает опасная ситуация...

Кэмерон делает шаг к нему.

– Не думаю, что кто-то хочет, чтобы возникла опасная ситуация. – Он, в общем-то, блефует. Драться он ненавидит. Но этому замухрышке необязательно знать.

С почти комично перепуганным видом Дельмонико похлопывает себя по карману и демонстративно вытаскивает телефон.

– Ой, извини. Я должен ответить.

Кэмерон фыркает. Старый добрый трюк со звонком. Вот же говнюк.

– Просто подстриги его немножко, ладно, Джин? – кричит Дельмонико через плечо, спускаясь по хрустящей гравием тропинке к дороге.

* * *

Кэмерон тратит почти целый час на то, чтобы, балансируя на стремянке, подрезать клематис так, как этого требует придирчивая тетя Джин. «Еще чуть-чуть вон там. Нет, не так сильно! Теперь обрежь слева. Я имела в виду справа. Нет, слева». Внизу тетя Джин собирает срезанные побеги и лиловые цветы в мешок для мусора.

– А насчет змей это правда, Кэмми?

– Конечно. – Он спускается вниз.

Тетя Джин хмурится.

– Значит, у меня в клематисе точно нет змей?

Кэмерон смотрит на нее искоса, стаскивая рукавицы.

– Ты видела змею у себя в клематисе?

– Э-э... нет.

– Ну вот тебе и ответ.

Тетя Джин улыбается, открывает заднюю дверь и кончиком трости сдвигает в сторону стопку газет.

– Посиди со мной немножко, детка. Хочешь кофе? Чай? Виски?

– Виски? Seriously?

Еще даже десяти утра нет. У Кэмерона живот сводит при мысли о выпивке. Он подныривает под низкую притолоку, моргает, привыкая к тусклому свету, и облегченно вздыхает. Выглядит все плохо, конечно. Но не хуже, чем в прошлый раз. А то какое-то время казалось, что хлам плодится сам по себе, как стая озабоченных кроликов.

– Тогда просто кофе, – подмигивает она. – Стареешь, Кэмми. Раньше ты был повеселее!

Он ворчит, что прошлой ночью было слишком уж весело, и тетя Джин кивает в своей слегка насмешливой манере. Конечно, она видит, что утро у него началось хреново. Может, он и правда стареет. Тридцатник – это вам не сахар.

Она копается в свалке из коробок и бумаг на крошечной кухонной стойке в поисках кофеварки. Кэмерон берет книгу в мягкой обложке, лежащую на куче хлама, под которым почти погребен шаткий письменный столик с древним компьютером, гудящим откуда-то снизу. Романчик из разряда тех, где на обложках накачанные красавчики. Кэмерон бросает книгу обратно, и вся гора осыпается на ковер.

Когда у нее это началось? Коллекционирование, как она выражается. В его детстве она никогда не была такой. Иногда Кэмерон проезжает по их старому району в Модесто, мимо дома с двумя спальнями, где она его вырастила. В этом доме всегда было чисто. Несколько лет назад она продала его, чтобы оплатить счета за лечение. Оказывается, получить по голове на парковке пивной “Деллз”, причем не по своей вине, стоит целое состояние. Какие-то придурки, даже не местные, начали выяснять отношения, а тетя Джин просто пыталась их утихомирить. Она заработала удар кулаком в висок и рухнула на асфальт. Сильное сотрясение мозга, раздробленное бедро, месяцы физиотерапии и эрготерапии. Кэмерон бросил приличную работу в строительной компании, занимающейся восстановлением домов, где мог бы получить хорошую профессию, и все для того, чтобы ухаживать за ней, спать у нее на диване, напоминать ей принимать лекарства и возить ее в Стоктон к специалисту по черепно-мозговым травмам. Каждый день после обеда он встречал на крыльце почтальона, открывая дверь тихонько, чтобы она не заметила. Его жалкий сберегательный счет ненадолго отсрочил визит коллекторов.

Когда тетя Джин наконец продала дом, ей как раз исполнилось пятьдесят два – минимальный возраст, дающий право жить в “Велине”. По причинам, которые Кэмерон так до сих пор и не понял, вместо того чтобы снять обычную квартиру или что-то в этом роде, она решила потратить остатки денег на этот дом-трейлер и переехать сюда. Может, именно тогда и началось коллекционирование? Во всем виноват этот гадюшник?

Все еще возмущаясь тем, что Сисси Бейкер точит на нее зуб после прошлогоднего недо-разумения на потлаке¹ (Кэмерон не интересуется подробностями), тетя Джин ставит две дымящиеся кружки на журнальный столик и жестом приглашает его сесть рядом с ней на диван.

– Ну и как работа?

Кэмерон пожимает плечами.

– Тебя опять выперли, да?

Он не отвечает.

Глаза тети Джин сужаются.

– Кэмми! Ты же знаешь, что я пустила в ход связи в администрации, чтоб тебя взяли в этот проект.

Тетя Джин работает на полставки в приемной окружной администрации. Она там уже не один десяток лет. Конечно, она знает всех. И да, проект был крупным. Бизнес-квартал на окраине города. А толку-то: на второй день он опоздал на какие-то жалкие десять минут, а этот козлина бригадир велел собирать манатки. Разве Кэмерон виноват, что у бригадира начисто отсутствует эмпатия?

– Я тебя об этом и не просил, – бурчит он и объясняет, что произошло.

– Короче, ты облажался. По полной. И что теперь?

Губы Кэмерона складываются в обиженную гримасу. Тетя Джин должна быть на его стороне. Повисает напряженное молчание; она делает глоток кофе. Ее кружка, вся в танцующих мультяшных лягушках, украшена ярко-красной надписью “КТО ВЫПУСТИЛ ЛЯГУШЕК?”. Он качает головой и пытается сменить тему:

– Мне нравится твой новый флаг. На улице.

– Правда? – Ее лицо чуть-чуть смягчается. – Я его нашла в одном из тех каталогов. Заказала по почте.

¹ Совместный ужин, на который каждый из приглашенных гостей приносит собственную еду. – *Здесь и далее примеч. перев.*

Кэмерон кивает, ничуть не удивившись.

– Как Кэти? – спрашивает она.

– Все хорошо, – говорит Кэмерон беззаботным тоном. На самом деле он не видел свою девушку с тех пор, как поцеловал ее на прощанье, когда она уходила на работу вчера утром. Она должна была прийти посмотреть концерт “Мотыльковой колбасы”, но слишком устала, а он задержался дольше, чем планировал, и в итоге заночевал у Брэда. Но конечно, у нее все хорошо. Кэти из тех девушек, у которых никогда не бывает неприятностей и всегда все хорошо.

– Тебе с ней повезло.

– Да, она супер.

– Я просто хочу, чтобы ты был счастлив.

– Я счастлив.

– И было бы неплохо, если бы ты мог продержаться на работе больше двух дней.

Ну зашибись, снова-здорово. Кэмерон хмурится, проводит рукой по лицу. Боль пульсирует аж в глазах. Воды, что ль, выпить.

– Ты же такой умный, Кэмми. Правда, такой умный...

Он встает с дивана и смотрит в окно. После долгой паузы он говорит:

– Знаешь, просто за то, что ты умный, денег не платят.

– Ну уж тебе-то должны платить. – Она похлопывает по месту рядом с собой на диване, и Кэмерон садится, кладет гудящую голову ей на плечо. Он любит тетю Джин, конечно, любит. Но она не понимает.

* * *

Никто в семье не знает, от кого Кэмерону достался его ум. И под семьей он подразумевает себя и тетю Джин. Это вся его семья.

Он почти не помнит лица своей матери. Ему было девять, когда тетя Джин забрала его из их с матерью квартиры, мать тогда сказала ему сложить сумку, чтобы остаться у тети Джин на выходные. В этом не было ничего необычного. Он частенько ночевал у тети. Но на этот раз мать так и не пришла за ним. Он помнит, как она обняла его на прощанье, как запиналась и как слезы оставляли на ее лице чернильные дорожки туши. Он ясно помнит, какими костлявыми были на ощупь ее руки.

Выходные превратились в неделю, потом в месяц. Потом в год.

Где-то в полном всякого хлама застекленном шкафу тети Джин хранятся маленькие керамические безделушки, которые его мать собирала в детстве. Сердечки, звезды, животные. На некоторых выгравировано ее имя: Дафна Энн Кассмор. Время от времени тетя Джин спрашивает, не хочет ли он забрать их себе, и каждый раз он говорит “нет”. На кой черт ему сдалось ее старое барахло, когда она не могла хоть какое-то время прожить без наркоты, чтобы у него была нормальная мать?

По крайней мере, Кэмерон знает, от кого он унаследовал способность феерически лажать.

Тетя Джин подала в суд заявление об исключительном праве на опеку, на которую больше никто и не претендовал. Он вспоминает, как социальный работник тихим голосом сказал, что так намного лучше – Кэмерон будет с семьей, а не “попадет в систему”.

Тетя Джин, которая на десять лет старше Дафны, так и не вышла замуж и не родила детей. Она постоянно называла Кэмерона подарком судьбы, неожиданным подарком.

Детство с тетей Джин было хорошее. Она была совсем не то что матери его друзей. Разве можно забыть тот Хэллоуин в начальной школе, когда она заявила на линейку в костюме Фредди Крюгера? Но как-то же у нее все получилось.

В школе Кэмерон учился неплохо. Там он и познакомился с Элизабет, а потом с Брэдом. Для ребенка, оказавшегося в такой ситуации, удивительно хорошо адаптируется, слышал он иногда.

А как же отец? Может, именно от него Кэмерон унаследовал свой ум?

Когда речь заходит о его отце, возможно все. Ни сам он, ни тетя Джин понятия не имеют, кто бы это мог быть. В раннем детстве, пока Кэмерон еще ничего не знал о специфике процесса зачатия и о необходимости как минимум донора спермы, он верил, что у него просто нет отца.

– Учитывая, с кем обычно являлась твоя мать, наверняка без него даже лучше, – постоянно повторяет тетя Джин, когда о нем заходит разговор. Но Кэмерон всегда в этом сомневался. Он уверен, что, когда он родился, мать не употребляла. Он видел фотографии, на которых она качает его на детских качелях в парке, видел мягкие темно-русые завитки ее волос. Наркотики и проблемы – Кэмерон уверен – появились позже.

Появились из-за него.

Тетя Джин начинает вставать:

– Еще кофе, детка?

– Ты сиди, я принесу, – говорит он, помотав головой, чтобы прогнать боль. Он пробирается между горамихлама к кухне.

Пока он наливает две новые чашки, тетя Джин кричит с дивана:

– А как там Элизабет Бернетт? Она же в конце лета должна родить? Я встретила ее мамашу на заправке пару дней назад, но некогда было поболтать.

– Да, она уже прям вот-вот. У нее все прекрасно. И у нее, и у Брэда, у обоих. – Сливки выются белыми струйками, когда Кэмерон наливает их в свой кофе.

– Она всегда была такая милая. Я так и не поняла, почему она предпочла тебе Брэда.

– Тетя Джин! – стонет Кэмерон. Он, наверное, миллион раз уже объяснял, что у них с Элизабет ничего не было.

– Да я просто так.

Кэмерон, Брэд и Элизабет в детстве были лучшими друзьями, тремя мушкетерами. Теперь как-то так вышло, что эти двое женаты и ждут ребенка. Кэмерон не может не понимать, что мелкий займет его место “третьего лишнего” при Брэде и Элизабет.

– И кстати, мне пора двигать. Я должен вернуть Брэду машину к обеду.

– О! Ну-ка, пока ты не ушел. – Тетя Джин с усилием опирается на трость, чтобы подняться с дивана. Кэмерон пытается помочь, но она отмахивается.

Кажется, она лет десять роется в бардаке в другой комнате. Он тем временем не может удержаться и просматривает стопку бумаг на столе. Старый счет за электричество (к счастью, оплаченный), страница, вырванная из “ТВ-Гайд” (его что, до сих пор издают?) и пачка результатов обследований из клиники при городской аптеке с бланком рецепта, подшитым к первой странице. Тьфу, блин, это личное. Но еще не успев спрятать рецепт, он видит в нем нечто такое, от чего щеки начинают прямо-таки полыхать. Это не может быть правдой.

Тетя Джин? Хламидиоз?

Стук ее трости приближается к гостиной. Кэмерон пытается запихнуть все обратно, но, к его ужасу, стопка рассыпается и рецепт остается у него в руках. Кэмерон держит его кончиками пальцев, как будто он может быть заразным. Заболевание, передающееся письменным путем.

– А, это. – Она беспечно пожимает плечами. – Да у нас тут много кто заразился.

Кэмерон чувствует, как у него сжимается желудок. Он сглатывает и говорит:

– Ну, эта дрянь не шутка, тетя Джин. Рад, что ты обратилась к врачу.

– Конечно, обратилась.

– И, может быть, стоит начать, э-э, предохраняться? (Он действительно с ней об этом говорит?)

– Ну, я так-то за резинки, но Уолли Перкинс не хочет...

– Хватит. Зря я это начал.

Она хихикает.

– Так тебе и надо за то, что шпионишь.

– Уела.

– Короче. Вот. – Тапочкой она подталкивает к Кэмерону коробку, которая стояла у ее ног, а он и не заметил. – Вещи твоей матери. Подумала, что тебе они могут понадобиться.

Кэмерон встает.

– Нет, спасибо, – говорит он, даже не взглянув на коробку.

1302-й день в неволе

Мой нынешний вес – шестьдесят фунтов. Я большой мальчик.

Как всегда, осмотр начался с ведра. Доктор Сантьяго сняла крышку с моего аквариума и стала поднимать большое желтое ведро, пока оно не оказалось на одном уровне с краем. В нем было семь морских гребешков. Доктор Сантьяго подтолкнула меня своей сеткой, но это было уже лишним. За свежими гребешками я бы и сам с радостью перебрался в ведро.

Анестезия сладко разливалась под кожей. Конечности у меня онемели. Глаза закрылись.

Мое первое знакомство с ведром состоялось давным-давно. На тридцать третий день в неволе. Тогда этот опыт казался пугающим. Но со временем я начал им наслаждаться. Ведро приносит ощущение полного небытия, которое во многих отношениях даже приятней ощущения бытия.

Мои руки волочились по полу, пока доктор Сантьяго неслась меня к столу. Она сложила меня грудой на пластмассовых весах и ахнула:

– Ого, какой большой мальчик!

– Сколько? – спросил Терри, тыча в меня своими большими коричневыми руками, которые всегда пахнут макрелью.

– Прибавил три фунта за месяц, – ответила доктор Сантьяго. – Его рацион не менялся?

– Насколько я знаю, нет, но могу перепроверить, – сказал Терри.

– Будьте добры, перепроверьте. Такой набор веса, мягко говоря, необычен.

Что я могу сказать? В конце концов, я же особенный.

Июньская серость

Сегодня вечером упаковкой в “Шоп-Уэй” занимается новый сотрудник.

Това поджигает губы, когда он ставит банки с клубничным и апельсиновым джемом в пакет бок о бок. Они с нехорошим звоном стукаются друг о друга, пока он запикивает туда же остальные покупки: кофе в зернах, зеленый виноград, замороженный горошек, мед в баночке в форме медведя и коробку салфеток. Мягких, ароматизированных. Дорогих. Това начала покупать их Уиллу, когда тот лежал в больнице, где салфетки были как наждачная бумага. Теперь она слишком привыкла к ним, чтобы выбирать более доступную марку.

– Да не надо, дорогуша, – говорит Итан Мак, когда Това предъявляет ему свою скидочную карту. Этот болтун с сильным шотландским акцентом – кассир в магазине и заодно его владелец. Он постукивает согнутым мозолистым пальцем по морщинистому виску и ухмыляется: – У меня тут все хранится, и твой номер я ввел, как только ты вошла.

– Спасибо, Итан.

– Пожалуйста. – Он протягивает ей чек и одаривает ее кривоватой, но доброй улыбкой.

Това изучает чек, чтобы убедиться, что джемы по акции он пробил правильно. Вот и они: купи один, возьми второй за полцены. Нечего было сомневаться, у Итана всегда все под контролем. В “Шоп-Уэй” дела пошли в гору с тех пор, как несколько лет назад он переехал сюда и купил этот магазин. Он быстро обучит новенького, как правильно укладывать товары в пакет. Она прячет чек в сумочку.

– Вот же июнь выдался, а? – Итан откидывается в кресле и скрещивает руки на животе. Уже одиннадцатый час вечера, очередей в кассы нет, и новенький переместился на скамейку рядом с прилавком в кафе-кулинарии.

– Моросит постоянно, – соглашается Това.

– Ты меня знаешь, дорогуша. Я как гусь. С меня вся вода стекает. Но, черт побери, я уж и забыть успел, как солнце выглядит.

– Да уж.

Итан раскладывает чеки аккуратными белыми стопками, и его взгляд задерживается на круглом следе от присоски на запястье Тобы – лиловом синяке, который почти не побледнел за несколько дней, прошедших с тех пор, как осьминог схватил ее за руку. Он прочищает горло.

– Това, я соболезную по поводу твоего брата.

Това опускает голову, но ничего не говорит.

Он продолжает:

– Если тебе что-нибудь нужно, только скажи.

Она встречается с ним взглядом. Она знает Итана уже несколько лет, и он никогда не чуждался сплетен. Това в жизни не встречала мужчину за шестьдесят, который бы настолько обожал слухи. А значит, он наверняка знает, что они с братом давно не общались. Ровным голосом она говорит:

– Нас с Ларсом мало что связывало.

А связывало ли их с Ларсом что-нибудь хоть когда-то? Това не сомневается, что связывало. В детстве уж наверняка. В юности – уже меньше. На их с Уиллом свадьбе Ларс стоял рядом с женихом, оба в серых костюмах. На банкете произнес прекрасную речь, от которой у всех, даже у их несгибаемого отца, на глазах выступили слезы. В течение многих лет после этого Това и Уилл встречали Новый год у Ларса в Балларде, ели рисовый пудинг и чокались бокалами в полночь, пока маленький Эрик спал под вязаным одеялом на диване.

Но после смерти Эрика все изменилось. Время от времени кто-нибудь из Крючкотворщиц допытывался у Тобы, что же произошло у них с Ларсом, и Това отвечала: “Ничего не произошло”, и это правда. Все развивалось как-то постепенно. У них не было никаких серьез-

ных ссор, никто не потрясал кулаками и не орал. Просто однажды в канун Нового года Ларс позвонил Тове и сообщил, что у них с Дениз другие планы. Дениз была его женой – по крайней мере, какое-то время. Когда они приходили в гости, Дениз любила стоять у Товы над душой, пока та, по локоть в пене, мыла посуду, и повторять, что она рядом, если Тове когда-нибудь понадобится поговорить. “Она о тебе заботится, это не преступление, даже если вы мало знакомы”, – ответил Ларс, когда Това ему пожаловалась.

После того неудачного Нового года были еще пропущенный пасхальный обед, несостоявшаяся встреча в честь дня рождения и рождественский ужин, который так и не продвинулся дальше стадии “надо будет собраться”. Годы растянулись в десятилетия, превратив брата и сестру в чужих друг другу людей.

Итан вертит в руках серебряный ключик, свисающий из ящика кассового аппарата. Его голос звучит мягко, когда он произносит:

– А все же семья есть семья.

Он морщится, неуклюже опускаясь на вращающийся стул рядом с кассой. Това случайно узнала, что от этого стула у него не так болит спина. Конечно, Това не то чтобы специально интересовалась сплетнями, но иногда невольно что-нибудь да подслушаешь. Крюкотворщицы любят болтать о таких вещах.

Това напрягается. *Семья есть семья*. Она знает, что Итан желает ей добра, но какая же это нелепица. Конечно, семья есть семья, что же еще? Ларс был ее последним оставшимся в живых родственником. Ее семьей, хотя она и не разговаривала с ним двадцать лет.

– Мне пора идти, – наконец отвечает она. – Ноги разболелись после работы.

– Ну да. Ох уж этот твой океанариум. – Итан, похоже, благодарен за смену темы. – Передавай привет гребешкам.

Това серьезно кивает:

– Я передам.

– Скажи им, что там не жизнь, а сказка, не то что у их родичей вон в той витрине. – Итан кивает в сторону отдела свежих морепродуктов в задней части магазина, где, помимо всякой всячины местного улова, продаются замороженные продукты. Весело глядя на Тову, он опирается локтями на прилавок.

Ее щеки вспыхивают: она слишком поздно уловила его шутливый тон. Эти гребешки в морозильной камере, полупрозрачные белые кружочки... хорошо, что Соуэлл-Бэй слишком провинциальный городок, чтобы в местном магазине торговали *осьминогами*. Она поднимает пакет с покупками. Как и следовало ожидать, его содержимое скатывается в один угол и банки с джемом снова звякают друг о друга.

Иногда бывает так, что просто надо сразу все делать правильно.

Бросив многозначительный взгляд на нового упаковщика, который лениво развалился на скамейке в кафе-кулинарии и тычет в телефон, Това опускает пакет на пол и переставляет один джем по другую сторону от винограда. Так, как это и нужно было сделать изначально.

Итан следит за ее взглядом. Потом встает и рявкает:

– Таннер! А что, проводить учет товара в холодильнике уже не надо?

Мальчишка засовывает телефон в карман и уходит вглубь магазина.

Итан выглядит настолько довольным собой, что Това прячет улыбку. Когда он замечает это, то проводит ладонью по короткой жесткой бороде, которая теперь уже почти седая, но с рыжеватым оттенком. Скоро он отпустит ее в преддверии праздников. Итан Мак очень убедительно изображает шотландского Санта-Клауса. В декабре он будет каждую субботу надевать костюм из полиэстера, приходить в культурный центр и, сидя в кресле, фотографироваться с местными детьми, а иногда и с какой-нибудь маленькой собачкой. Дженис каждый год приводит Роло в гости к Санте.

– Молодежь нужно время от времени подталкивать, – говорит Итан. – А впрочем, думаю, нам всем это нужно.

– Пожалуй, да. – Това снова берет свой пакет и поворачивается к двери.

– Если тебе что-нибудь понадобится, что угодно...

– Спасибо, Итан. Я очень признательна.

– Езжай осторожно, дорогуша, – кричит он под звон колокольчика.

* * *

Дома Това расшнуровывает кроссовки и включает телевизор, четвертый канал. Новости, которые идут в одиннадцать часов, терпимы только на четвертом. Крейг Морено, Карла Кетчум и метеоролог Джоан Дженнисон. На седьмом канале какая-то низкопробная белиберда, а на этого балабола Фостера Уоллеса с тринадцатого просто смотреть невозможно. Четвертый – единственный приличный вариант.

Мелодия из телевизора доносится до кухни, где Това выгружает продукты. Она купила немного, холодильник и так набит запеканками, оставленными у нее на террасе на прошлой неделе Крюкотворщицами и другими доброжелателями, которые хотели утешить ее после смерти Ларса.

Но уж лучше запеканки, чем бесконечные слезливые банальности и жалостливые взгляды, которыми одаривал ее весь город, когда умер Эрик. Това уж лучше съест сотню картофельных гратенов, чем станет выслушивать эти утешения, произносимые вполголоса, которые преследовали ее не один год после смерти Эрика. Сейчас люди хотя бы просто оставляют свои соболезнования в виде завернутой в фольгу формы для выпечки у нее на террасе.

– Ох ты ж господи, – говорит она, наклоняется и шуршит в забитом холодильнике, пытаясь хоть как-то расчистить место для винограда рядом с огромной картофельной запеканкой с ветчиной и сыром, которую вчера привезла Мэри Энн.

Раздается какое-то царапанье. Она вздрагивает и выпрямляется.

Звук доносится с террасы. Еще одна запеканка? Так поздно? Она проходит мимо гостиной, где надрывается телевизор: идет реклама страхования жизни. Она оставила входную дверь незапертой после того, как вернулась с продуктами, поэтому теперь вглядывается через сетку, ожидая увидеть на коврике очередное подношение, но там пусто. И машины на подъездной дорожке тоже нет.

Дверь скрипит, когда она открывает.

– Здесь кто-то есть?

Снова царапанье. Енот? Крыса?

– Кто здесь?

Пара желтых глаз. Потом укоризненное мяуканье.

Това выдыхает – она и не заметила, что задерживала дыхание. По округе бродят бездомные кошки, но она никогда не видела этого серого кота, который сейчас сидит на ступеньке ее террасы, как король на троне. Кот моргает, пристально глядя на нее.

– Ну? – Она хмурится, машет рукой: – Кыш!

Кот наклоняет голову.

– Я сказала, кыш!

Кот зевает.

Това упирает руки в боки, но кот неторопливо подходит к ней и трется худым тельцем о ее ноги. Она чувствует щиколоткой каждое ребро его грудной клетки.

Она цокает языком.

– Так, у меня в холодильнике есть запеканка с ветчиной. Тебя устроит?

В мурлыканье кота звучат пронзительные нотки. Отчаянные.

– Тогда ладно. Но если я увижу, что ты используешь мои клумбы в качестве лотка... – Она проскальзывает обратно в дверь, а Кот – Това решает, что будет называть его именно так, – остается подглядывать сквозь сетку.

Вернувшись с полной тарелкой, она садится на качели на террасе и наблюдает, как Кот поглощает холодную ветчину, сыр и картошку. Потом, отдавая блюдо Мэри Энн, Това не скажет, кому на самом деле понравилась ее стряпня.

– Жаль, если вся эта еда пропадет зря, поэтому я с радостью поделюсь с тобой, – обращается она к Коту. И говорит совершенно серьезно. Сколько, по мнению подруг, она вообще в состоянии съесть? Мысленно отметив, что утром надо забрать тарелку, она возвращается в дом и закрывает дверь.

В гостиной кончилась реклама и снова вернулись новости.

– В общем, Карла, я уже жду не дождусь нормального лета в Сиэтле, – хихикает Крейг Морено из гостиной.

– А я-то как жду, Крейг! – Смех у Карлы Кетчум бесцветный. Потом она положит локоть на стол, улыбнется в камеру и повернется к своему соведущему. Она наверняка в синем, так как, по-видимому, считает, что этот цвет идет ей больше всего. А поскольку сегодня дождь, ее светлые вьющиеся волосы не будут выпрямлены и уложены в каре. Конечно, с кухни Това ничего этого не видит, но она уверена, что так и есть.

– Посмотрим, что по этому поводу скажет Джоан. После перерыва!

А сейчас камера вернется к Крейгу Морено. Его голос станет чуть выше, когда он произнесет имя дикторши, зачитывающей прогноз погоды. Это длится уже несколько недель. Предположительно с того момента, как у них с Джоан начались отношения.

Това не остается слушать прогноз. Ей это и не нужно – будет облачно и дождливо. Снова июньская серость.

Из-за девушки

Хотя в последнее время немного солнца не помешало бы, Итан Мак ничего не имеет против туманных ночей. Вокруг уличных фонарей сияют гало, где-то в дымке ревет паромный гудок. Полуночный холод просачивается за воротник, пока Итан сидит на скамейке перед “Шоп-Уэй” и попыхивает трубкой.

Строго говоря, это запрещено. Согласно инструкции, сотрудники должны сообщать, когда выходят на перекур. Конечно, эту инструкцию написал сам Итан, и тем не менее он старается не вести себя так, будто правила его не касаются. Но здесь только он и Таннер, который возится в магазине, ни о чем не подозревая.

Он всегда нервничает, когда смотрит вслед уходящей Тове. Если верить его приемнику, настроенному на частоты полицейских раций, ночью на дорогах вечно какие-то психи. Почему она ходит по магазинам так поздно?

Прошло почти два года с тех пор, как она начала приходить поздно вечером. С тех пор, как Итан начал отглаживать перед сменой свой фланелевый воротник. Попытаться привести себя в порядок. Придать себе более презентабельный вид.

Он втягивает тепло трубки в грудь, потом выдыхает. Дым растворяется в тумане.

Туман напоминает Итану о доме – Килберри, пролив Джера, Западная Шотландия. Это по-прежнему его дом, хоть он и прожил в Соединенных Штатах сорок лет. Сорок лет назад он собрал сумку и больше не вернулся на работу в порту Кеннакрейга. Сорок лет назад он в последний раз добивался девушки.

С Синди все пошло наперекосяк. Это с самого начала была идиотская идея: сойтись с американкой, приехавшей на отдых, и спустить все свои сбережения на билет из Хитроу в аэропорт Кеннеди. Это был первый и последний раз, когда Итан летел самолетом. Он до сих пор помнит, как острова в маленьком овальном окошке становились все меньше и меньше.

Из-за двери некстати высовывается голова Таннера. Если он и замечает, что Итан нарушает правила, то ничем этого не выдает. Парень умом явно не блещет. Он говорит:

– Вы хотели, чтобы я весь холодильник перебрал?

– Конечно. Как думаешь, за что я тебе плачу?

Проворчав что-то, Таннер исчезает в магазине. Итан качает головой. Ну и молодежь пошла.

В семидесятые жизнь в Нью-Йорке была суровой, и вскоре у Итана и Синди появились планы помасштабнее. Синди продала вещи из своей квартиры в Бруклине и купила старый “фольксваген”. На этом фургоне они проехали через всю страну, и Итана поразила ее необъятность. Пенсильвания, Индиана, Небраска, Невада. Шотландия могла бы целиком поместиться в любой из этих штатов.

Когда они снова выбрались к морю, Итан почувствовал облегчение. Несколько недель они провели на побережье Северной Калифорнии, занимаясь любовью в тени гигантских секвой, а потом отправились на север по Тихоокеанскому шоссе. В ветхой часовенке где-то недалеко от границы с Орегонем они с Синди обвенчались.

Несколько недель спустя, в Абердине, штат Вашингтон, коробка передач в конце концов вышла из строя. Итан пытался ее починить, но с фургоном пришлось распрощаться. А утром, не прощаясь, исчезла Синди.

И на этом все кончилось.

Абердин подходил Итану. Он никогда не бывал в городе с таким же названием на северном побережье Шотландии, но этот показался ему знакомым. Низкое серое небо. Неприятливые, трудолюбивые люди. Он устроился портовым грузчиком. Снял угол в пансионе. Пил чай рано поутру, наблюдая, как туман стелется над корабельными мачтами.

Профсоюз обходился с ним справедливо, и в пятьдесят пять лет он вышел в отставку со скромной пенсией. Обстоятельства вынудили его перебраться с побережья поближе к центру города, к физиотерапевтам, которые должны были подлечить ему спину после многих лет погрузки бревен на суда. Но на пенсии ему стало скучно. В “Шоп-Уэй” была вакансия кассира, и к тому же ему охотно предоставили эргономичное кресло. А он взял и придумал кое-что получше – собрал свои сбережения и купил магазин.

Сейчас, десять лет спустя, деньги ему не то чтобы нужны – пока ему хватает. Пенсия покрывает аренду, продукты, бензин для пикапа. А небольшой доход от магазина позволяет пополнять коллекцию пластинок и время от времени баловать себя бутылкой хорошего скотча. Настоящим айлейским виски, а не хайлендским пойлом².

В мокром тротуаре отражается свет фар: на парковку сворачивает машина. Итан гасит трубку и ныряет обратно в магазин через парадную дверь.

Он как раз занимает свое место у кассы, когда, пошатываясь, входит молодая парочка, которая так тесно переплелась руками, что двигается как одно целое. Парочка бродит по проходам, хихикая, когда врзается в стойки с чипсами и газировкой и отскакивает от них, как мячик для пинг-понга. Юнцы возятся с дебетовой картой на кассе. Они стремительно газуют и вылетают на дорогу, омывая окна фасада белым светом.

Идиоты. Точно кого-нибудь убьют. Кого-нибудь вроде сестры Итана, Мэрайи, которую сбил пикап, когда ей только-только исполнилось десять. Это были рыбаки, возвращающиеся из паба. Мир полон идиотов.

Мысль о хэтчбеке Товы на этой дороге вызывает у Итана тошноту. Хотелось бы ему проехать мимо ее дома и убедиться, что ее машина на месте. Может, у нее горел бы свет.

Но нет. Однажды он уже остался ни с чем из-за девушки.

² Виски с небольшого шотландского острова Айлей заметно отличается от скотча горных районов Хайленд, у продукции айлейских вискарен характерный дымный привкус.

1306-й день в неволе

Я прекрасно умею хранить секреты.

Вы могли бы сказать, что у меня нет выбора. Кому я бы их рассказал? Вариантов у меня немного.

В той мере, в какой я могу общаться с другими заключенными, эти скучные разговоры редко стоят затраченных усилий. Примитивные умы, недоразвитые нервные системы. Они запрограммированы на выживание и, возможно, в этой области профессионалы, но ни одно другое существо здесь не обладает интеллектом, подобным моему.

Мне одиноко. Пожалуй, было бы не так одиноко, будь у меня кто-то, с кем я мог бы поделиться своими секретами.

Секреты повсюду. Некоторые люди просто набиты ими. Как они не лопаются? Похоже, это их отличительная черта как вида – ужасные навыки коммуникации. Нет, не то чтобы другие виды вели себя намного лучше, но даже селедка способна определить, в какую сторону поворачивает ее косяк, и последовать за ним. Почему люди не могут воспользоваться своими миллионами слов, чтобы просто сказать друг другу, чего они хотят?

Море тоже прекрасно умеет хранить секреты.

Один из них, добытый с самого дна, я ношу с собой до сих пор.

Детеныши гадюк особенно опасны

Коробка три дня стоит на кухонной стойке Кэмерона нетронутой.

Тетя Джин тогда сама вынесла ее на улицу. “Выбрось, если хочешь, но сначала хотя бы глянь, что там, – сказала она. – Семья – это важно”.

Кэмерон закатил глаза. *Семья*. Но когда тетушка настаивает, спорить бессмысленно. Так что коробка отправилась с ним домой. Теперь Кэмерон смотрит на нее с дивана, подумывая выключить спортивный канал и посмотреть, что внутри. Вдруг там найдется что-то, что сгодится для ломбарда. Кэти скоро потребует с него половину арендной платы за июль.

Может, после обеда.

Микроволновка гудит, и он ждет, наблюдая, как вращается чашка с лапшой. Готовка с помощью электромагнитного излучения, которое заставляет молекулы еды со всей дури сталкиваться друг с другом, – в чью голову приходят такие идеи, кто придумывает, как продавать эти приборы? Кем бы ни был этот чувак, он теперь, наверное, плавает себе где-нибудь в куче денег, голышом, в обществе супермоделей. Жизнь несправедлива.

Дзинь.

Кэмерон вытаскивает дымящуюся чашку. Он несет ее обратно на диван, осторожно, чтобы не расплескать, но тут дверь квартиры со скрипом открывается, и он вздрагивает.

– Да твою ж мать! – Обжигающая жидкость выплескивается на руку.

– Кэм! Ты как? – Кэти роняет свою рабочую сумку и кидается к нему.

– Нормально, – бормочет он.

Что она делает дома во вторник днем? С другой стороны, она и сама могла бы задать ему тот же вопрос. Мысли разбегаются. Он ей вообще говорил, что сегодня работает? А она спрашивала?

– Подожди, – говорит она и убегает на кухню, покачивая идеальной попкой под серой юбкой. Кэти работает на стойке регистрации отеля “Холидей Инн” у автомагистрали. Хорошо, что сейчас у нее дневные смены. Ему бы мало не показалось, если бы она до сих пор работала по ночам.

Она спешит обратно с двумя влажными тряпками.

– Спасибо, – говорит Кэмерон, когда она протягивает ему одну из них. Прохлада приносит желанное облегчение. Кэти садится на корточки, чтобы другой тряпкой вытереть пролитый бульон.

– А ты сегодня рано, – говорит Кэмерон, наклоняясь помочь ей и стараясь, чтобы голос звучал беспечно.

– Днем у меня прием у зубного. Помнишь? Мы это обсуждали на прошлой неделе.

– А, ну да. Точно. – Кэмерон кивает, смутно припоминая.

– А ты вроде не говорил, что у тебя сегодня выходной. – Она подбирает с ковра полоску лапши, бросает ее на тряпку и, прищурившись, смотрит на него снизу вверх.

– Э-э, ну да. У меня сегодня выходной. – Он не добавляет: и завтра, и послезавтра, и через день.

– Странно, что они дали тебе выходной. Ты же у них только третью неделю.

– Вообще-то сегодня праздник.

Блин, ну почему он это сказал?

Она встает.

– Праздник?

– Да. – Ложь шита белыми нитками. – Международный день строителя. У всех выходной.

Нет, ну а что он ей скажет? Правду? Ему просто нужно время. Пара дней, чтобы найти новую работу. Тогда все будет хорошо.

– Международный день строителя.

– Ага.

– У всех выходной?

– У всех.

– А странно, что на соседней крыше люди работают, да?

Кэмерон открывает было рот, но от крыши соседнего здания эхом отражается грохот пневматического молотка, не давая сказать ни слова.

Лицо Кэти холодное, ничего не выражающее.

– Тебя опять уволили.

– Ну, технически...

– Что случилось?

– Ну, я...

– Когда ты собирался мне сказать? – перебивает она.

– Я пытаюсь сказать тебе сейчас, если ты дашь мне шанс!

– Знаешь что? Забудь. – Она берет сумку и раздраженно направляется к двери. – У меня совершенно нет времени. Я опаздываю к врачу, и я устала давать шансы.

* * *

Шансы. Если бы жизнь вела учет выданных шансов, Кэмерону она бы задолжала по крупному. Что Кэти знает о том, каково это – иметь родителя-наркомана? Что Кэти знает о гложущей ненависти, которая никогда не проходит?

Кэти, чьи родители купили ей машину, когда она окончила школу. Кэти, в этой обтягивающей серой юбке и с ровными белыми зубами, которые прямо сейчас полирует какой-то придурок врач. После сеанса ей вручат бесплатную зубную щетку. Она бросит ее, не открывая упаковку, в тумбочку в ванной, потому что все равно пользуется модной электрической щеткой.

Он смотрит какой-то низкобюджетный боевик, растянувшись на диване, когда она наконец возвращается. Он вдруг соображает, что уже поздно. Прошло несколько часов, на улице почти стемнело. Ее не было намного дольше, чем должен занимать прием, – хотя не то чтобы он в этом разбирался, он не был у зубного много лет. Может, у Кэти куча дырок в зубах или что-то в этом роде. Или надо было нерв удалить. В прошлом году тете Джин удаляли нерв, и она неделю жаловалась на боль. Мысль о том, что идеальной Кэти тычут в рот заостренным сверлом, вызывает смутное удовлетворение, и это заставляет его чувствовать себя мудаком.

– Эй, – зовет он и делает паузу в ожидании грустного вздоха, означающего, что он все еще ее бесит, но уже не так сильно. Он попросит прощения, и она нахмурится, но на самом деле не будет злиться, и тут он положит руку ей на ногу, и она прижмется к нему, и они будут лежать, обнявшись, пока не закончится этот тупой фильм, а потом отправятся в постель, где их будет ждать полноценный примирительный секс.

Но Кэти не отвечает. Вместо этого она направляется прямо в спальню. Он слабо улыбается. Что, так сразу?

Тут он слышит первый глухой шмяк. Что за?.. Надо посмотреть.

Кэмерон входит как раз вовремя, чтобы увидеть, как его рабочий ботинок перелетает через край залитого лунным светом балкона и приземляется на крошечный квадратик пожухлой травы.

Шмяк.

Его напарник ударяется о дорожку и пару раз отскакивает от заросших сорняками трещин, шнурки волочатся следом.

– Кэти! Давай поговорим?

Она не отвечает.

– Слушай, прости. Я должен был сказать тебе.

И снова никакого ответа.

Фью.

Ухо задевает пролетающая мимо бейсболка. Его любимая бейсболка “Найнерс”! Все, с него хватит. Да, он должен был сказать ей, что его выгнали с работы. Но разве нельзя было просто выделить минутку и поговорить об этом, прежде чем выбрасывать все его вещи?

– Кэти, – медленно произносит он. Протягивает руку и осторожно, будто она дикое животное, кладет ей на плечо.

– Нет, – бормочет Кэти, выворачиваясь. Хватает с комода его боксеры, комкает их и швыряет в сторону балконной двери. Но замах слишком вялый. Труссы расправляются и планируют на пол.

Он наклоняется за ними.

– Мы можем просто поговорить?

– Я так больше не могу, Кэм.

Впервые с тех пор, как она ушла к зубному, она встречается с ним взглядом. Ее глаза пылают, как костры, которые они разводили в тени его джипа, когда ездили в поход в пустыню на юге штата. Но те времена давно прошли. Коллекторы забрали джип несколько месяцев назад. Кэмерон собирался позвонить в банк, чтобы заключить так называемое соглашение об оплате. Ей-богу, собирался, но нет, банк просто послал этих придурков и увел у него машину, не дав ему второго шанса. Минус еще один из выданных ему шансов.

– Клянусь, я собирался тебе сказать. И я не виноват.

– Разумеется, ты не виноват. Ты же у нас никогда не виноват.

– Нет! – Облегчение, которое охватывает его от ее внезапного сочувствия, длится недолго. Конечно, это сарказм. Щеки у него горят. – Я хочу сказать, что это сложно.

Конечно, она его выгоняет. Кэмерон, наверное, тоже бы себя выгнал.

Кэти закрывает глаза.

– Кэмерон, это несложно. Я объясню тебе как можно доступнее, чтобы даже твой незрелый мозг справился. Все. Кончено.

– Но я оплачу аренду, – настаивает он, возвращаясь мыслями к таинственной коробке тети Джин. В голосе прорезается отчаяние. Он тащится за Кэти из спальни на кухню, все еще сжимая в руках боксеры.

– Дело не в аренде! Дело в твоей неспособности быть честным человеком. – Она берет таинственную коробку со стола и направляется обратно в спальню. К балкону. К его удивлению, внутри у него все сжимается.

– Я ее возьму.

– Ладно, плевать. Просто уходи уже. – Кэти роняет коробку, и та с тяжелым стуком падает на ковер. Ее лицо изменилось, огонь в глазах потух. Она выглядит усталой.

– Ты имеешь в виду прямо сейчас? – Кэмерон фыркает. Она же не серьезно.

– Нет, в следующую субботу. Я же твои вещи на улицу выбросила просто по приколу. – Она закатывает глаза. – Да, конечно, прямо сейчас.

– И куда я пойду?

– Не. Моя. Проблема. – Она издает горький смешок. – Не то чтобы меня это волновало, но когда-нибудь тебе придется повзрослеть, понимаешь?

* * *

Из коробки получилось достаточно удобное сиденье. Во всяком случае, лучше, чем бордюр. Кэмерон сидит в темноте рядом с кучей своих вещей и ждет, когда Брэд заберет его.

И ждет, и ждет. Целый час.

И вот, как назло, именно сейчас у него нет машины.

Наконец из-за угла показываются фары.

– Ну и что за хрень у тебя тут случилась? – Выходя, Брэд хлопает дверцей пикапа.

– Сам ты хрень! Почему так долго?

– Так, давай подумаем. Как насчет того, что я спал? Потому что сейчас вторник и уже почти одиннадцать вечера. – Брэд начинает закидывать вещи Кэмерона в кузов пикапа. – Знаешь, некоторым завтра нужно на работу.

– Да пошел ты.

Лицо Брэда расплывается в улыбке.

– Слишком рано? Извини.

– Все, ладно. Может, мы уже поедem, а?

Забрасывая в пикап мешок для мусора, набитый одеждой, Кэмерон косится на балкон, где стеклянная дверь еще открыта, а в спальне горит свет: Кэти, естественно, наблюдает за происходящим на обочине. Он бросает последний взгляд в сторону квартиры, кладет футляр с гитарой поверх кучи вещей и захлопывает борт кузова. Тот издает громкий скрип и с металлическим лязгом закрывается.

– Давай, – говорит Брэд, отпирая пассажирскую дверь. – Садись.

– Спасибо, – бормочет Кэмерон, запрыгивает на сиденье и ставит коробку на колени.

Дом Брэда и Элизабет находится на окраине города, где новые жилые комплексы вырастают за одну ночь, как прыщи. Бессмысленные гипсовые колонны, фальшивые кирпичные фасады и гаражи на четыре машины. Буржуазненько до тошноты. Несколько лет назад, когда Брэд и Элизабет поженились, ее родители дали им кучу денег на покупку жилья в рассрочку. Неплохо, наверное.

Но Кэмерон ни на что не жалуется в течение тех пятнадцати минут, которые занимает дорога от его квартиры. Его *прежней* квартиры. Теперь это квартира Кэти. В договоре аренды указано только ее имя. Когда он туда въехал, она постоянно настаивала, чтобы он позвонил хозяину и его официально добавили в договор, потому что Кэти всегда соблюдает правила. Но через некоторое время она перестала ему напоминать. Может, предвидела, что все это произойдет.

– Что в коробке? – спрашивает Брэд, прерывая его мысли.

– Детеныши гадюки, – невозмутимо отвечает Кэмерон, даже глазом не моргнув. – Их там целая куча. Надеюсь, Элизабет любит змей.

Полчаса спустя Брэд кладет на журнальный столик подставку, подталкивает ее к Кэмерону и вручает ему запотевший стакан пива – как раз когда Кэмерон заканчивает свой рассказ.

– Может, она передумает, – говорит Брэд, зевая. – Просто дай ей пару дней.

Кэмерон поднимает глаза:

– Она выбросила мое барахло на лужайку, как в каком-то тупом бабском фильме. Все мои вещи до единой.

Брэд бросает взгляд на кучу в углу:

– Это что, серьезно все твои вещи?

– Ну не в буквальном смысле. Но ты понимаешь. – Кэмерон хмурится. Что будет с его “Иксбоксом”, который так и остался в тумбочке под телевизором Кэти? Он купил эту подставку, когда ее только выпустили, с трудом избежав штрафа за перерасход по кредитке. Но теперь она, считай, досталась Кэти. Черта с два он туда вернется, чтобы умолять ее вернуть “Иксбокс”.

Может, пара пакетов и коробка с сомнительным содержимым – это и правда все его имущество.

Его взгляд останавливается на огромном эркере.

– Ну не всем же жить дорого-богато. – Кэмерон собирался пошутить, но слова выплеснулись изо рта, как кислота. Он пытается смягчить тон: – Я хотел сказать, что просто познаю в себе минималиста.

Брэд приподнимает бровь, долго смотрит на него, потом берет свой стакан.

– Что ж, за новые начинания.

– Спасибо, что опять разрешил мне тут перекантоваться. Я у тебя в долгу.

Кэмерон чокается, пиво выплескивается через край и стекает струйкой на стол. Брэд словно бы из ниоткуда извлекает бумажное полотенце и подается вперед, чтобы вытереть лужицу.

– Ты у меня в долгу раз уже эдак десять. Я беру дороже за регистрацию заезда после полуночи. – Брэд ухмыляется, но его глаза серьезны. – И я знаю, что мне не нужно повторять это еще раз, но ты будешь должен мне новую мебель, если что-нибудь испортишь.

Кэмерон кивает. Он слышал точно такую же речь на прошлой неделе, когда ночевал на диване после бара. Элизабет только что купила в гостиную новую мебель, и, по-видимому, использование этой мебели по назначению – посидеть там, устроиться с комфортом – для нее большая тема. Раньше он спал в комнате для гостей, когда оставался на ночь, но теперь ее переделали в детскую. Буквально месяц назад Кэмерон за пиццу латал им дырку в гипсокартонной стене шкафа, которую Брэд испортил, пытаясь установить какие-то дурацкие полки. Кэмерон мог бы починить гипсокартонную панель во сне, и на самом деле однажды он так и делал. Или, во всяком случае, в полусне. По крайней мере, так заявил бригадир участка, прежде чем уволить Кэмерона прямо на месте.

– И знаешь что, Кэм? – продолжает Брэд. – Максимум две ночи.

– Принято.

– Так куда ты дальше? – Брэд складывает пропитавшееся пивом полотенце и аккуратно пристраивает его на край стола.

Кэмерон кладет ногу в кроссовке на колено и наматывает на палец потертый шнурок.

– Может, в какую-нибудь из тех новых квартир в центре?

Брэд вздыхает:

– Кэм...

– Что? У меня есть приятель, который там работал. Говорит, внутри они ничего так.

Кэмерон представляет, как устраивается на широком кожаном диване, зарывается босыми ногами в новенький ковер. Конечно, ему будет нужен телевизор с плоским экраном, не меньше восьмидесяти дюймов. Он повесит его на стену и пропустит кабели сзади, чтобы их не было видно.

Брэд наклоняется вперед, переплетая пальцы:

– Черта с два тебе кто-нибудь сдаст квартиру.

– Почему это?

– Чувак, ты безработный.

– Неправда. Сейчас у меня перерыв между проектами.

– У тебя сплошные *перерывы между проектами*.

– В строительной отрасли все циклично.

Кэмерон злится, в его тоне прорезается язвительность. Что Брэд вообще знает о настоящей физической работе? Он весь день страдает фигней в каком-то маленьком захудалом офисе местной энергетической компании, перекладывая бумаги с места на место.

Брэд часто говорил о том, чтобы уехать отсюда, отправиться в Сан-Франциско или еще куда-нибудь. Но теперь он никогда не уедет, и Кэмерон знает почему. Его родители здесь, родители Элизабет тоже, и они вот-вот станут бабушками и дедушками. Вечером в воскресенье весь клан собирается на ужин. Наверное, едят свинину в медовой глазури или что-нибудь в этом роде. Зачем им вообще уезжать? Кэмерон гадает, существует ли какое-то особое чувство

привязанности, которое дано детям из нормальных семей. То, на которое он никогда не мог претендовать.

– Кэм, какой у тебя кредитный рейтинг?

Кэмерон колеблется. Дело в том, что он понятия не имеет. Скорее ад замерзнет, чем он пойдет проверять. Когда он покупал джип, рейтинг был где-то чуть за шестьсот, но это было несколько сомнительных решений назад. С саркастической ухмылкой он отвечает:

– Сто двадцать.

Брэд качает головой:

– Может, это очки, которые ты в боулинге заработал. Но уж стопроцентно не кредитный рейтинг.

– Ну что тут сказать? Я офигенно играю в боулинг.

– Еще бы.

Кэмерон проводит пальцами по коротким рядам дырочек на боку своей кроссовки. Наверное, их оставила собака Кэти, какая-то там карманная порода, пристрастившаяся к обуви – особенно к его обуви. С этой собакой столько геморроя, что Кэти отправила ее к своим родителям, но те привозили ее каждый раз, когда приезжали в гости. По крайней мере, больше ему не придется иметь дело с этой дрянью.

– Почему бы тебе не вернуться к учебе? – уже не в первый раз предлагает Брэд. – Получишь профессиональное образование или что-то в этом роде.

Кэмерон хмыкает. Брэд же не настолько глуп, чтобы не понимать, что колледж стоит денег, которых у Кэмерона нет. Но внезапно у Кэмерона появляется идея. Хорошая идея.

– Знаешь ту квартиру над “Деллз”?

Брэд кивает. Все завсегдатаи этой пивнушки знают о квартире над ней. Иногда они шутят, что старина Эл, бармен, мог бы срубить кучу денег, сдавая ее в почасовую аренду.

– Прошлым вечером я слышал, как старина Эл сказал, что там никого, – продолжает Кэмерон. – Может быть, он сдал бы ее мне.

– Он, наверное, заставит тебя сначала оплатить счет. Но все может быть.

– Я спрошу его, когда мы будем давать концерт на следующей неделе.

Брэд мнется.

– На следующей неделе?

– Ладно. Зайду завтра.

– Хорошо, – говорит Брэд. Потом опускает глаза. – Кстати, я должен кое-что тебе сказать. Я хотел подождать, пока все соберутся, но...

– Но что? – Кэмерон хмурится. – Давай, валяй.

– Э-э... Концерт “Мотыльковой колбасы” на следующей неделе. Он у меня будет последний.

– Что? – Кэмерону кажется, что его пнули в грудь.

– Да, я ухожу из группы. – Брэд морщится. – Скоро родится ребенок, и мы с Элизабет думаем, что будет лучше, если...

– Ты солист! – выпаливает Кэмерон. – Ты не можешь уйти!

– Прости. – Брэд словно съеживается в кресле. – Не говори пока остальным, ладно? Я правда хотел подождать, пока все соберутся вместе.

Кэмерон встает и подходит к окну.

– Просто с ребенком все будет по-другому, – повторяет Брэд.

Кэмерон разглядывает двор перед домом Брэда и Элизабет, светящиеся садовые фонари, траву, густую, как на поле для гольфа, и выложенную кирпичом дорожку. К его ужасу, в горле встает комок. Конечно, Брэд уйдет из “Мотыльковой колбасы”, когда родится ребенок. Следовало это предвидеть.

– Я понимаю, – говорит он наконец.

– Я все равно буду приходить на концерты.

Кэмерон проглатывает усмешку. Без Брэда концертов уже не будет.

– Элизабет тоже. Может, будем брать с собой малыша. – Брэд медленно вздыхает. – Правда, прости.

– Все нормально. – Кэмерон возвращается к дивану и начинает снимать подушки, складывая их с нарочитой аккуратностью. – Уже поздно, мне нужно поспать.

– Да, хорошо. – Брэд медлит еще немного, прежде чем забрать пустые стаканы. – Подожди, тебе же нужно белье, – говорит он и исчезает в коридоре.

Белье? На диван? С каких это пор?

Минуту спустя Брэд появляется с нераспечатанной упаковкой белья, которую бросает Кэмерону. Белье в фиолетовую и белую полоску, и Кэмерон готов поспорить на что угодно, что выбирала его Элизабет. Фиолетовый всегда был ее любимым цветом.

Брэд все топчется рядом, надоедливый, как комар.

– Помочь постелить?

– Нет. – Кэмерон натянуто улыбается. – Спокойной ночи.

– Ладно. Э-э... спокойной. – Уже из кухни Брэд кричит: – Не выпускай своих детенышей гадюки.

Кэмерон не отвечает.

1307-й день в неволе

В людях практически нет никаких достоинств, перевешивающих недостатки. Но отпечатки их пальцев – это миниатюрные произведения искусства.

Я хорошо разбираюсь в этих отпечатках. Пожалуй, можно сказать, что это один из приятных побочных эффектов ежедневного общения с людьми – с их соплями и влажными ладошками, с их липкими ладонями, отвратительно пахнущими цветочным лосьоном и фруктовым мороженым.

Но когда двери закрываются на ночь и свет гаснет, они оставляют после себя потрясающую замысловатую роспись на стекле моего аквариума.

Иногда я довольно долго разглядываю отпечатки, изучаю их. Маленькие овальные шедевры. Я прослеживаю взглядом линии от краев к центру, потом обратно к краям. Каждый из них особенный. Я помню их все.

Отпечатки пальцев похожи на ключи своей уникальностью.

Ключи я тоже помню все.

Здоровущие зубы

– Миссис Салливан?

Това как раз готовится к началу смены и выгружает свои принадлежности для уборки, когда невысокий мужчина, размахивающий конвертом из плотной бумаги, трусцой пробегает через парковку океанариума Соуэлл-Бэй, лавируя между немногочисленными машинами любителей вечерней рыбалки и запоздавших с дневной пробежкой. Большинство из этих машин хорошо известны в Соуэлл-Бэй. Но почему-то Това даже не заметила незнакомый серый седан, из которого только что выскочил этот человек.

– Това Салливан? – снова выкрикивает он, приближаясь.

Она захлопывает дверцу хэтчбека.

– Чем могу помочь?

– Наконец-то я вас нашел! – хрипит он, отдуваясь.

Переводит дыхание и расплывается в слишком широкой для его лица улыбке, показывая огромные белые зубы. Они напоминают Тове выбеленные ракушки морских желудей, которые цепляются за увитые водорослями валуны на краю залива.

– Знаете, вас не так-то просто разыскать.

– Прошу прощения?

– Навигатор, в который я забил адрес, водил меня кругами, а на вашем домашнем телефоне нельзя оставить сообщение. Я уж думал, мне понадобится частный детектив.

От намек на то, что она не почистила память автоответчика, по шее Товы растекается жар, и справедливость этого обвинения только усугубляет неловкость. Но она переспрашивает ровным голосом:

– Детектив?

– Их нанимают чаще, чем вы думаете. – Он качает головой, потом протягивает руку: – Брюс Ларю. Я адвокат по наследственным делам Ларса Оскарссона.

– Очень приятно.

– Для начала, пожалуйста, позвольте сказать, что я вам соболезную. – В его тоне не слышится особого соболезнования.

– Нас мало что связывало, – объясняет Това. Опять.

– В общем... Я не отниму у вас слишком много времени, но мне нужно передать это вам. – Он протягивает Тове конверт. – Наверняка вы знаете, что у вашего брата было кое-какое личное имущество.

– Мистер Ларю, я даже не представляю, что было и чего не было у моего брата. – Она просовывает палец под клапан конверта и заглядывает внутрь. Это документ на бланке “Чартер-Виллидж”, какой-то перечень.

– Ну, теперь представляете. Нам нужно будет встретиться еще раз, чтобы разобраться с денежными активами, а пока вот вам опись его вещей. Их там совсем немного.

– Понятно. – Това засовывает конверт под мышку.

– Просто позвоните им и дайте знать, когда вы заедете, чтобы все забрать.

– Заеду? “Чартер-Виллидж” – это же в Беллингеме. В часе езды отсюда.

Ларю пожимает плечами:

– Слушайте, можете заехать за вещами, можете не заезжать. Они через некоторое время все выкинут, если никто не заберет.

Если никто не заберет. Конечно, после развода с Дениз Ларс больше так и не женился, но Това всегда думала, что там у него была пара-тройка подружек. Хотя бы близкий друг. Разве это не одна из причин, по которым люди переезжают в подобные заведения? Ради общения? Но этот Ларю, похоже, намекает, что за вещами Ларса никто не пришел. Может, к нему вообще

никто никогда не приходил. Вдруг он умер в обществе какой-нибудь скучающей медсестры? Сиделки, считающей часы до конца смены?

– Я съезжу, – тихо говорит она.

– Отлично. Тогда мое дело сделано. – Ларю снова сверкает зубами. – Есть вопросы?

В голове у Товы вертится великое множество вопросов, но наружу выбирается этот:

– Как именно вы меня нашли?

– А, да это приятный такой кассир в продуктовом на холме. Я зашел выпить кофе, потому что не смог найти вас по домашнему адресу, и когда мы разговорились, он сказал, что вы будете здесь. Хороший мужик. Говорит с сильным акцентом, как лепреккон.

Това вздыхает. Итан.

* * *

По какой-то счастливой случайности океанариум сегодня в приличном состоянии. Никаких клякс присохшей жвачки, с которыми надо бороться. В мусорных корзинах ничего липкого. Никаких неопикуемых ужасов в уборных.

И, к счастью, все вроде бы сидят в своих аквариумах.

– Я вижу, что ты там.

Стеклянная передняя часть аквариума Марцелла вся в жирных отпечатках пальцев, которые Това поливает из разбрызгивателя и стирает тряпкой, а осьминог смотрит на нее из верхнего угла. Она уже привыкла видеть его жилище пустым, а его самого – в соседнем аквариуме с морскими огурцами, которые, похоже, стали его любимой закуской. Това не одобряет такое поведение, но это вызывает у нее улыбку. Их секрет.

Он расправляет щупальца и подплывает к переднему стеклу, не отрывая от Товы взгляда.

– Сегодня мы не голодные, да?

Он моргает.

– Час. По автостраде, – тихо говорит она, наклоняясь к стеклу, чтобы оттереть упрямое пятно. – Знаешь, не люблю я эти автострады.

В своей неторопливой, почти первобытной манере осьминог цепляется рукой-щупальцем за стенку аквариума и подтягивается ближе. Прилипшие к стеклу присоски сегодня выглядят синевато-багровыми.

Това отжимает тряпку.

– И заведения эти тоже не люблю. Дома престарелых, дома инвалидов... все они одинаковые, скажи? Там всегда пахнет больными людьми.

Глазом, сверкающим, как загадочный стеклянный шарик, осьминог следит за каждым ее движением, когда она складывает тряпку и убирает ее.

Това опирается на тележку.

– Ларс всегда оставлял за собой бардак. И теперь мне в последний раз надо все за ним прибрать, даже после его смерти. Его жизнь всегда была какой-то слегка неряшливой. Правда, мы не из-за этого перестали общаться. Нет, причина была не в этом.

Она посмеивается над собой. Что она творит – с осьминогом разговаривает? Она, конечно, постоянно здоровается с местными обитателями, которых очень любит, но это ведь другое. *Разговаривать*. Но, боже милостивый, полное ощущение, что это существо действительно *слушает*.

Ну и дела.

И вообще. Не было же никакой причины. *Ничего не произошло*.

– Ладно, спокойной ночи, сэр. – Това вежливо кивает осьминогу и идет дальше.

К стеклу аквариума с морскими коньками приклеена бумажка с надписью от руки. Това узнает каракули Терри: “Спариваются! Не мешать!”

– Ой! – Това прижимает руку к груди и осторожно всматривается в аквариум из-за края бумажки. Неужели опять наступило это время?

В прошлом году, когда у морских коньков был брачный период, Терри устроил в честь их будущих детишек небольшую вечеринку для всего персонала, всех восьмерых человек. Маккензи задержалась вечером после смены, чтобы надуть воздушные шарик и нарисовать плакат с надписью “Скачи, мой конек!”. Доктор Сантьяго, ветеринар, принесла торт, на котором глазурью было написано: “Гип-гип-ура малышам гиппокампам!”

Обычно Това не ходит на такие вечеринки, но этот торт ее заинтриговал. Когда Эрик учился в девятом классе, по углубленному курсу биологии ему задали сделать стенгазету про участок мозга, который называется гиппокамп. Он посвятил большой фрагмент газеты этимологии этого термина, его происхождению из древнегреческого языка, его родству с латинским названием рода морских коньков и его связи с мифологическими гиппокампами – лошадьми с рыбьими хвостами. “Может, у нас у всех в мозгу живут морские чудовища”, – пошутил Эрик, когда клеил газету на обеденном столе.

В любом случае, если бы Терри и Маккензи планировали устроить нечто подобное в этом году, подготовка была бы в самом разгаре. Но Това об этом ничего не слышала, хотя уверена, что уж ее бы позвать не забыли. По крайней мере, умышленно.

Ну, если праздник все-таки будет, она наверняка потом увидит оставшийся от него беспорядок. Да и все равно это глупая затея. Так заявили Крючкотворщицы в прошлом году, когда она им рассказала.

Наверное, она такая одна, что дети морских коньков кажутся ей интереснее, чем человеческие.

* * *

Когда она входит, Итан протирает кассовый стол. Он радостно улыбается ей:

– Това!

Пластмассовые корзины сложены аккуратной стопкой рядом с газетным стендом, но Това проходит мимо них и мимо короткого ряда вставленных друг в друга тележек прямо к кассе. Она здесь не за покупками.

– Добрый вечер, Итан.

Его лицо начинает краснеть. Через несколько секунд оно почти такого же цвета, как и борода.

– Ко мне только что явились на работу и вторглись в мою частную жизнь. Ты случайно ничего об этом не знаешь?

– Ах да, был один такой со здоровущими зубами. – Итан с застенчивым видом складывает тряпку и засовывает ее в карман фартука. – Я бы не говорил ему, если бы он не сказал, что это важно. Наследство твоего брата и все такое.

Това цокает языком.

– Наследство. Так он тебе сказал?

– Ну да. Кто же не хочет получить наследство?

Това вздыхает. Есть ли в этом городе хоть какая-нибудь история, в которой Итан не рвется поучаствовать? Она сухо поясняет:

– Судя по всему, у моего брата остались какие-то пожитки в доме престарелых, где он умер. Ничего стоящего, я в этом убеждена, но теперь мне надо поехать туда и забрать их.

Итан, похоже, искренне раскаивается, сожаление затуманивает его большие зеленые глаза.

– Вот черт, Това. Прости.

– Это как минимум в часе езды.

– Да уж, далековато, – говорит он, ковыряя мозоль на большом пальце.

Това осматривает собственные кроссовки. Ей непривычно просить помощи, но Итан, кажется, говорил серьезно, и мысль о двух часах на автостраде заставляет ее содрогнуться. Да и он в долгу перед ней, раз уж проболтался тому адвокату. Она поджимает губы и говорит:

– Я хотела бы принять твое предложение.

– Предложение? – Итан поднимает глаза, его голос звучит слегка пожилее.

– Да. Ты сказал: *если мне что-нибудь понадобится*. Ну вот, кое-что понадобилось.

– Что угодно, дорогуща. Чем тебе помочь?

Това нервно сглатывает.

– Отвези меня в Беллинге.

1308-й день в неволе

Морские коньки снова взялись за дело.

Люди так изумляются и восторгаются, как будто это какая-то неожиданность. Уверяю вас, это не так. Морские коньки мечут икру каждый год в одно и то же время. За годы заключения я был свидетелем четырех репродуктивных циклов.

Скоро появятся сотни мальков. Возможно, тысячи. Сначала они выглядят как облако икринок, но через несколько дней превращаются в скопление шевелящихся хвостов, которые пока не имеют никакого сходства со своими родителями. Скорее они напоминают уменьшенные вариации морских червей, бороздящих пески главного аквариума.

Удивительно, как только что родившееся существо может быть так не похоже на своего создателя.

Разумеется, к людям это не относится. Я наблюдал за людьми на всех этапах жизни, и они всегда явственно человекообразны. Несмотря на то что человеческий младенец беспомощен и родитель вынужден носить его на руках, его не спутать ни с чем другим. Люди вырастают из маленьких в больших, а иногда снова становятся меньше, приближаясь к концу жизни, но у них всегда четыре конечности, двадцать пальцев, два глаза в передней части головы.

Их зависимость от родителей длится необычайно долго. Конечно, это логично, что маленьким детям требуется помощь с самыми элементарными процессами: едой, питьем, мочеиспусканием, дефекацией. Невысокий рост и неуклюжесть конечностей затрудняют выполнение этих действий. Но по мере того, как дети обретают физическую независимость, их мучения, как ни странно, продолжают. Они зовут мать или отца при малейшей необходимости: развязавшийся шнурок, запечатанная упаковка сока, мелкий конфликт с другим ребенком.

Маленькие люди ни за что бы не выжили в море.

Я не знаю, как размножается гигантский осьминог. Как могли бы выглядеть мои мальки? Меняем ли мы свой облик, как морские коньки, или у нас все банально, как у людей? Полагаю, этого я никогда не узнаю.

Завтра здесь будут толпы. Может, Терри даже не станет закрывать главные двери допоздна, чтобы впустить еще больше посетителей, желающих увидеть брачный период морских коньков. Эти нарушители обычного распорядка будут пробегать мимо моего аквариума – большинству из них ничего, кроме коньков, не интересно.

Время от времени кто-нибудь остановится рядом. С такими я всегда играю в какую-нибудь игру. Я расправляю руки и отдаюсь на волю искусственного течения, которое создает помпа. Одно за другим я присасываю щупальца к стеклу, и человек приближается ко мне. Тогда я подтягиваю мантию к передней части аквариума и смотрю ему в глаза. Человек зовет своих спутников. Как только я слышу их шаги за поворотом, я стремительно прячусь за камень – только вода плеснет, и все.

Как вы, люди, предсказуемы!

За одним исключением. Пожилая женщина, которая моет полы, не играет в мои игры. Вместо этого она разговаривает со мной. Мы... беседуем.

Счастливей конец

В сотый раз мысли Итана возвращаются к Крюкотворщицам. Любая из них могла бы отвезти Тову до Беллингема. Конечно, они знают о ее нелюбви к езде по автостраде. Но она попросила именно *его*.

Сегодня утром он проснулся на час раньше, чтобы успеть принять душ, подровнять бороду и привести себя в порядок. Всем известно, как Това любит аккуратность и опрятность. Из-за того, что он встал ни свет ни заря, он выпил лишнюю кружку чая и, возможно, именно поэтому не может перестать барабанить пальцами по рулю, как будто играет на пианино.

– У тебя все хорошо? – снова спрашивает с пассажирского сиденья Това. Она роняет карандаш на газету с кроссвордом, лежащую у нее на коленях, и смахивает с обивки ворсинку. Надо было ему вытащить свою задницу из постели в пять утра, а не в шесть. Тогда успел бы привести в порядок не только себя, но и машину.

– Да, все хорошо. Почему ты спрашиваешь?

Ее лицо расплывается в очаровательной улыбке.

– Руки-пчелки.

– Что?

– Пчелки. То есть... постоянно чем-то заняты. Я обычно так говорила, когда Эрик не мог сидеть спокойно.

Вздвигнув при упоминании этого имени, Итан делает глубокий вдох и пытается силой воли унять дрожь.

– Руки-пчелки. Умно.

Он уже начинает придумывать объяснение, почему этим утром употребил слишком много кофеина, но когда косится на нее несколько секунд спустя, она снова погрузилась в свой кроссворд, постукивает ластиком по подбородку и изучает газетный разворот.

Ладно, проехали. Он пытается вспомнить какую-нибудь фразу для начала разговора, которые долго подбирал вчера вечером, но почему-то ничего не идет на ум. Единственные темы, которые всплывают в голове, под запретом: покойный брат, покойный муж, покойный сын. Тьфу. Он до сих пор удивлен, что она заговорила об Эрике, но ясно, что подходящий момент упущен.

Вместо этого он говорит:

– И что ты там делаешь?

Что за нелепый вопрос. Очевидно же, что это кроссворд. Она подумает, что он рехнулся. Она хмурится.

– Вчерашняя головоломка. Боюсь, я отстаю от графика.

– Отстаешь? – фыркает он. – Хочешь сказать, что решаешь эти штуки каждый день?

– Конечно. Это ежедневный кроссворд. Я и заполняю его ежедневно.

– А если пропустишь день? Будешь... наверстывать?

Карандаш скребет по бумаге, когда она заполняет пустые клеточки.

– Естественно.

* * *

Центр комплексного ухода “Чартер-Виллидж” укрыт среди череды покатых зеленых холмов, прорезанных длинной извилистой дорогой. Пока они едут по территории, от главной дороги ответвляются небольшие аллеи, каждая с указателем. *Центр лечения расстройств памяти. Теннисный комплекс. Неотложная помощь. Клуб.* Здесь есть все. Наконец один из

указателей направляет их в сторону приемной, и Итан нажимает на газ. Проезжая по круговой подъездной дорожке мимо пары увитых плющом колонн из бордового кирпича, он тихонько присвистывает. Фу-ты ну-ты, какая помпезность. Больше похоже на модную частную школу или университет, а не на убогое заведение, куда старики приезжают поиграть в теннис, прежде чем отправиться на тот свет.

– Это оно, дорогуша?

Лицо у Товы каменное.

– Да, похоже на то.

Итан выключает зажигание и озадаченно смотрит на нее:

– Ты никогда раньше здесь не бывала?

– Не бывала.

Он подавляет желание еще раз тихонько присвистнуть. Това сказала, что Ларс жил здесь десять лет. Неужели она ни разу его не навестила?

Она берет свою сумочку, запихивает в нее газету.

– Идем?

– Да.

Итан выбирается наружу и поспешно обходит пикап, надеясь успеть открыть ей дверцу, но к тому времени, как он туда добирается, Това уже шагает к величественному зданию.

Первые полчаса Итан ждет в приемной, минуты тянутся медленно. Кожаные кресла на удивление роскошны, но какое же дерьмо тут предлагают почитать. “Нэшнл джеографик”, журнал Американской ассоциации пенсионеров и несколько скучных газетенки с Уолл-стрит. Разве нельзя было выбрать что-нибудь хоть чуточку поинтереснее, вроде “Роллинг стоун” или хотя бы “Пипл”? Сплетни о знаменитостях всегда были тайной слабостью Итана. Его “руки-пчелки” опять нетерпеливо барабанят по низкому журнальному столику. Он встает и осматривает стойку в углу вестибюля, где почему-то можно взять кофе, а чай нельзя. Повсюду кожа и плющ, и при этом они даже не могут предложить “эрл грея”? Что за ерунда!

Итан берет из стопки одноразовый стаканчик и все-таки наливает себе чашку кофе без кофеина – это же бесплатно. Кофе он не особенно любит. В девятнадцать он какое-то время работал в детском зоопарке в Глазго, вольер для слонов чистил. Однажды двое других парней, которые там работали, в шутку собрали навоз и пропустили его через соковыжималку. И это было очень уж похоже на... кофе. Ну и с тех пор кофе уже не был для него прежним.

Прежде чем Това быстро двинулась вглубь здания, он настоял, чтобы она разобрала вещи своего брата не спеша, но теперь он понимает, что совершенно не представляет, сколько времени это может занять. Ему что, ждать здесь весь день? Надо было книгу с собой взять.

От стойки регистрации доносится гул голосов. Похоже, там собираются на экскурсию.

Женщина в сером костюме, с волосами, стянутыми в гладкий янтарный хвост, звонко и уверенно обращается к своей небольшой группе:

– Добро пожаловать в “Чартер-Виллидж”, где мы обеспечиваем нашим клиентам счастливый конец.

Итан чуть не выплевывает кофе. Счастливый конец? Кто это вообще придумал?

Серый Костюм хмуро смотрит на него:

– Сэр?

– Да? – Итан вытирает рукавом капли кофе с подбородка.

– Вы присоединитесь к нам?

– Я? – Он оглядывается, как будто за ним может стоять какой-нибудь другой сэр. Пожимает плечами: – Конечно, почему бы и нет?

Хоть так убить время.

– Тогда идите сюда. – С вежливой улыбкой она приглашает его подойти к группе.

* * *

Итан должен признать: постояльцы тут и правда выглядят счастливыми. Может, этот нелепый слоган не так уж далек от истины.

Здесь есть бильярдная, кафетерий с длинным шведским столом, даже бассейн и джакузи. Постояльцы могут заказывать еду в свои комнаты, а кровати ежедневно застилаются бельем плотностью в шестьсот нитей на дюйм. Когда экскурсия подходит к концу, Итан ловит себя на том, что он уже почти готов сюда переехать. Как будто он может себе это позволить. На пенсию здесь долго не протянешь.

* * *

Когда час спустя появляется Това, сжимая в руках коробку, Итан выкарабкивается из роскошного кожаного кресла:

– Все хорошо, дорогуша?

– Конечно. – Това и без того выглядит маленькой в своем лиловом кардигане, а из-за коробки кажется еще более хрупкой.

На этот раз он опережает ее у машины. По-рыцарски открывает дверь и отступает, пропуская ее внутрь, за что она вежливо его благодарит. Потом он забирает коробку и пристраивает ее за пассажирским сиденьем. Но тут он видит кое-что еще. Глянцевая страница с фотографией местного культурного центра и теннисных кортов. Какой-то мужчина в белых шортах, с копной серебристых волос, размахивает ракеткой.

Пока Това возится с ремнем безопасности, Итан украдкой разглядывает фотографию.

Это не просто буклет на мелованной бумаге. Тут целая книжка. Глянцевая брошюра “Чартер-Виллидж” с этим их ужасным слоганом: “Мы обеспечиваем нашим клиентам счастливый конец!”

Из брошюры выглядывает край листа.

Бланк заявления.

1309-й день в неволе

Человеческие дети любят печенье. Думаю, вы понимаете, что я имею в виду?

Круглое, размером примерно с раковину обычного моллюска. То с темными пятнышками внутри, то глазированное или посыпанное пудрой. Печенье может быть мягким и тихим, и тогда его путешествие между челюстями людей проходит бесшумно. Печенье может быть хрупким и громким, и тогда оно рассыпается при откусывании, а крошки катятся по подбородку на пол, который должна подметать пожилая женщина по имени Това. За время пребывания здесь я видел много разного печенья. Оно продается в торговом автомате возле главного входа. Но почти всегда, если дети просят купить печенье, родители отвечают, что дома их ждет обед. “А суп я кому сварила? Я тебе лучше пасту сварю”. В общем, очень часто речь идет о чем-нибудь *вареном*.

Представьте себе мое замешательство, когда чуть раньше этим вечером я услышал замечание доктора Сантьяго.

– Что тут скажешь, Терри? – Доктор Сантьяго повела плечами и развела руки в стороны. – Я много осьминогов видела, но у этого голова варит хорошо.

Они обсуждали так называемую задачку: коробку из прозрачного пластика с откидывающейся крышкой на защелке. Внутри сидел краб. Терри опустил коробку в мой аквариум. Они с доктором Сантьяго наклонились, чтобы подглядывать за мной через стекло. Без промедления я схватил коробку, открыл защелку, поднял крышку и съел краба.

Это был красный каменный краб в период линьки. Мягкий и сочный. Я прикончил его за один укус.

Это Терри и доктору Сантьяго не понравилось. Они нахмурились и заспорили. Похоже, они не ждали, что я так быстро открою коробку.

Голова у меня *варит хорошо*. Ну конечно, я умен. Все осьминоги такие. Я помню лицо каждого человека, который останавливается, чтобы посмотреть на мой аквариум. Я легко выстраиваю закономерности. Я знаю, где именно будут играть на верхней стенке лучи восходящего солнца, которые каждый день слегка смещаются.

Когда мне нужно слышать, я слышу все. Я могу определить, когда прилив за стенами тюрьмы сменяется отливом, по шуму волн, разбивающихся о камни. Когда мне нужно видеть, мое зрение обостряется. Я могу определить, какой именно человек прикасался к стеклу моего аквариума, по отпечаткам пальцев. Выучить этот язык было нетрудно.

Я умею пользоваться разными инструментами. Я умею разгадывать головоломки.

Ни у кого из других заключенных таких навыков нет.

Количество нейронов в моем теле доходит до полумиллиарда, и они распределены по всем восьми конечностям. Иногда я задаюсь вопросом, не больше ли разума у меня в одном щупальце, чем у человека в целом черепе.

Голова варит хорошо.

Своей головой я горжусь, но это не емкость, в которой готовят суп или пасту.

Надо же было сказать такую нелепицу.

Может, и не в Марракеш

В этом поселке в стиле дорого-богато слишком тихо. Никакого тебе громкого топота прямо над головой. Телефон Кэмерона мигает красным: батарея почти разряжена. Он роется на дне сумки в поисках зарядки, но она осталась на тумбочке у Кэти. Эта картинка практически стоит у него перед глазами. Он забыл зарядку, и теперь телефон сел, и сам он тоже сел. В лужу, ага.

Может, у Брэда или Элизабет есть запасной шнур. Кэмерон крадется на кухню и открывает ящики так тихо, как только может. Столовые приборы сложены аккуратными рядами, одна из выдвижных полок полностью отведена под прихватки для духовки. Кому нужно столько прихваток? Они что, готовят на целую роту? Большинство из этих прихваток украшены монограммой. ЭББ – Элизабет и Брэдли Бернетт. Счастливая супружеская чета. А он им теперь не чета.

– Привет, – доносится тихий голос из коридора.

– Элизабет! – Кэмерон резко задвигает полку. Словно насмехаясь над ним, она едет медленно и плавно, как и всегда с этими модными тумбами.

– Я не хотела тебя напугать. – Она улыбается, держа в руке пустую чашку. Другая рука лежит на животе, который грозит вырваться из бледно-голубого халата. – Просто встала попить воды, а это значит, что через полчаса я опять встану писать. Клянусь, в последнее время мой мочевого пузырь стал размером с горошину.

Она включает свет, шлепает к широкому холодильнику и подставляет чашку под диспенсер.

– Поверить не могу, что вы, ребята, станете родителями, – говорит Кэмерон. Брэд и Элизабет женаты уже три года, и, конечно, Кэмерон был шафером на их свадьбе, но то, что они вместе, все равно так... странно. Элизабет – его лучшая подруга с детского сада, а Брэд, ну... Брэд отличный парень, но он всегда был на периферии их дружеской компании. В школе он был для Элизабет недостаточно хорош, но каким-то образом несколько лет спустя они сошлись. Теперь они женаты, а вот уже и ребенок.

– Станем родителями? А я-то думала, у меня просто живот раздуло. – В уголках глаз Элизабет собираются шутливые морщинки. – Кстати, чего это ты не спишь?

– Телефон сдох. – Он поднимает умирающий мобильник. – У вас лишней зарядки не найдется?

Элизабет машет рукой в нужном направлении:

– В ящике для всяких мелочей.

– Спасибо. – Он вытаскивает оттуда аккуратно свернутый шнур.

Поморщившись, Элизабет присаживается на один из барных стульев, стоящих вдоль кухонного острова, и долго пьет.

– Жаль, что у вас с Кэти так сложилось.

Он тяжело плюхается на стул рядом.

– Я все просрал.

– Похоже на то.

– Спасибо за безграничное сочувствие, Подлизабет.

– Обращайся, Кэмеvрун, – с усмешкой отвечает она, подхватывая его подначку с детскими прозвищами. – Ну и что теперь будешь делать?

Кэмерон вытягивает из потертой манжеты своей любимой толстовки зеленоватые нитки и складывает их на столе небольшой кучкой.

– Поищу новое жилье. Может, сниму эту квартиру над “Деллз”.

– Над “Деллз”? Ну и мерзость. – Элизабет морщит нос. – Ты можешь найти что-нибудь получше. Да и кому захочется, чтобы от дяди Кэма пахло несвежим пивом, когда он придет в гости к ребенку?

Кэмерон на пару секунд ложится лбом на прохладный гранит столешницы, потом снова поднимает глаза на Элизабет.

– Вариантов у меня не то чтобы вагон.

Элизабет перегибается через стол, смахивает обрывки ниток в ладонь.

– Кстати, эта твоя толстовка тоже мерзкая. Брэд свою давным-давно выбросил.

– Что? Почему? – Это, конечно, не фирменная вещь “Мотыльковой колбасы”, но вся группа такими обзавелась. Много лет назад. Они всё планировали заказать принт.

– Когда ты ее в последний раз стирал?

– На прошлой неделе, – раздраженно говорит Кэмерон. – Я же не свинья.

– Ну, все равно мерзко. Она на куски расползается. И я никак не пойму, почему вы выбрали этот цвет детской неожиданности.

– Это цвет зеленого мотылька!

Элизабет пристально смотрит на него.

– А почему бы тебе не отправиться путешествовать или что-нибудь такое? – тихо спрашивает она. – Что тебя здесь держит?

Он растерянно моргает.

– И куда бы я уехал?

– В Сан-Франциско. В Лондон, в Бангкок, в Марракеш!

– А, ну конечно. Мне надо только вызвать сюда свой личный самолет. И лети хоть через полмира.

– Ладно, пусть не в Марракеш. – Элизабет еще понижает голос. – Честно говоря, я даже не знаю, где это. Вчера вечером в “Колесе фортуны” была такая загадка.

– Это в Марокко, – почти автоматически отвечает Кэмерон. Все равно он там не бывал и не собирается туда ехать.

– Умный ты больно. Ну, может, я бы тоже это знала, если бы мы с Брэдом не заснули на диване, пока шла передача.

Кэмерон морщит нос.

– Напомни мне никогда не жениться.

– Да я буду потрясена, если ты когда-нибудь женишься. – Она качает головой, потом, скривившись, подхватывает рукой свой огромный живот. – Ладно, мне пора баиньки. Хорошая новость в том, – продолжает она, идя через всю кухню и ставя чашку в раковину, – что мне уже нужно пописать. Спасибо за беседу. Двух зайцев одним выстрелом.

– Не за что. – Он направляется обратно в гостиную с зарядкой в руке. – Увидимся утром.

– До утра. – Она выключает свет и исчезает в коридоре.

* * *

Час.

Два.

Три.

Лицо Кэмерона заливают голубоватый свет экрана телефона. У Кэти был период, когда она пыталась запретить телефоны в спальне, потому что прочитала какую-то статью о том, что они вызывают привыкание. Что-то там делают с мозговыми импульсами. Он всегда считал, что это чушь, но теперь от экрана у него болят глаза, а в мозгу все перемешалось.

Конечно, ни на одной из страничек Кэти в соцсетях не появилось ничего нового. Он просмотрел их все по несколько раз. В “черный список” она его не кинула. Пока. Его указательный

палец нависает над ее именем. Одно нажатие, чтобы позвонить. Но она, скорее всего, спит, и спит спокойнее, когда его нет рядом.

Это все никогда и не было для него. Ее квартира не была его домом. С этим надо смириться.

Он открывает приложение со списком квартир и листает фотографии, на каждой из которых огромные, залитые солнцем окна и сверкающие столешницы. На каждой кухне стоит ваза со свежими фруктами: два апельсина, один желтый банан и несколько блестящих красных яблок. Ваза с фруктами всегда одинаковая. Они, наверное, таскали ее с собой из одной квартиры в другую. Кому достаются фрукты, когда съемка завершена? Да и вообще, кто ест красные яблоки? Лучшей рекламой было бы выложить свежую пиццу и упаковку из шести банок пива.

Эти квартиры с шикарными фруктами не для него. Вот квартира над “Деллз” подойдет. Только старина Эл не идиот. Он потребует задаток. Пора открыть эту коробку и посмотреть, не оставила ли его горе-мама хоть чего-нибудь стоящего, что он мог бы заложить.

Когда он забирает коробку из гостиной, снаружи, во дворе перед домом, включается датчик движения. Кэмерон застывает на месте, но это всего лишь енот. Он таких толстых енотов в жизни не видел. Даже хищники и те здесь живут на широкую ногу. Он уже почти ждет, что зверь сердито посмотрит на него через окно, как какой-нибудь стереотипный папашка средних лет, и поинтересуется, почему это он не спит в такой час.

Коробка тихо шуршит всякий раз, когда он толкает ее через комнату носком ботинка. Он плюхается на диван, открывает первый клапан, и облако пыли заставляет его закашляться. Врач тети Джин всегда винит в ее хроническом покашливании пристрастие к сигаретам, но пыль у нее дома, похоже, виновата не меньше. Теперь, когда зерна уже посеяны, мысль о куреве неотвязно засела в голове. Вообще-то, конечно, пора бросать. Но он поднимает с пола коробку, засовывает в карман спортивных штанов то, что осталось от последней пачки сигарет, и направляется на улицу.

В свете луны он начинает одну за другой раскладывать вещи на столе в саду. Интерес на удивление бодрит. Может быть, эти реалити-шоу об аукционах, на которых люди бьются за склады со всяким старьем, нащупали какой-то нерв.

Но радостное возбуждение длится недолго. Барахло вообще ни о чем.

Упаковка наполовину использованных помад – фу, гадость.

Папка с написанными от руки текстами, которые выглядят как школьные сочинения. Скучно и ни на что не годится.

Корешок билета на концерт “Уайтснейк” в спорткомплексе “Колизей” в Сиэтле, 4 августа 1988 года. Совершенно бесполезно, и музыкальный вкус тот еще.

Чуть ли не миллион резинок для волос или чем там еще девушки завязывают хвостики.

Куча доисторических кассет. В основном какой-то отстойный глэм-метал. Несколько пустых кассет, вроде тех, на которых можно записать микстейп. Могло бы быть интересно, но у кого сейчас есть магнитофон? И в любом случае не перепродашь.

Кэмерон затягивается. Да уж, вот это разочарование. И почему тетя Джин так хотела всучить ему эту херню? Ничто из этого не вызывает в нем абсолютно никаких теплых чувств к матери. И, что еще важнее, не принесет ему ни цента.

Он поднимает пустую коробку, и оттуда вываливается маленький черный мешочек со шнурком. Украшения. Джекпот! Четыре браслета, семь ожерелий, два пустых медальона, одна порванная серебряная цепочка. К сожалению, ничего похожего на бриллианты, но, по крайней мере, пара браслетов вроде бы золотые. Во всяком случае, заложить можно.

Кэмерон ощупывает мешочек, чтобы проверить, нет ли там чего еще, и оказывается, что есть. Что-то застряло на дне. Он встряхивает мешочек, и то, что там лежало, наконец выпадает. Скомканная бумажка... но для обычной бумажки она слишком тяжелая. Нет, это старая

фотография, в которую завернуто большое, массивное кольцо выпускника. Поднеся его к лицу, Кэмерон вчитывается в гравировку.

Средняя школа Соуэлл-Бэй, выпуск 1989 года.

Он разглаживает фотографию и даже в полутьме узнает свою мать: она здесь еще подросток, улыбается и обнимает парня, которого он никогда раньше не видел.

Бугатти и блондинка

До того как Уилл заболел, Това обычно брала для пикника на двоих сыр, фрукты, иногда бутылку красного вина с двумя одноразовыми стаканчиками. Если был отлив, они шли в Гамильтон-парк, осторожно спускались к воде и сидели на пляже под стеной набережной. Они зарывали босые ноги в крупный песок и подставляли их холодным пенистым волнам, которые лизали щиколотки, накатывая на берег.

Това паркует свой хэтчбек на пустой стоянке. Парк всегда был слишком громким словом для узкой полоски мокрой травы, двух видавших виды столиков для пикника и никогда не работающего питьевого фонтанчика.

Теперь Това приходит сюда побыть наедине со своими мыслями, когда ей нужно отдохнуть от одиночества собственного дома. Когда даже телевизор не может пробиться сквозь невыносимую тишину.

Столик под прояснившимся голубым небом на удивление горячий на ощупь – его нагрело внезапно пришедшее лето. Това открывает газету на странице с кроссвордом и смахивает крошки ластика. Сейчас отлив, вода спокойная, волны набегают на пляж тяжелыми ленивыми всплесками. Через несколько минут Това начинает жалеть, что не захватила шляпу: так жарко, что солнце обжигает макушку.

– Ну, начнем, – обращается она к кроссворду. Половина клеточек уже заполнена – результат ее утреннего перерыва на кофе. Она снова приступает к делу. “Харри из «Блонди», пять букв”.

Она подчеркивает вопрос карандашом. Рок-группа “Блонди”. Однажды она купила Эрику кассету на Рождество. Ему было лет десять, так что это должен был быть семьдесят девятый или восьмидесятый. Он крутил ее и крутил несколько месяцев, пока лента не износилась. Това помнит обложку кассеты: блондинка с красными губами, в мерцающем платье. Она не может представить, чтобы эту даму звали Харри. Так что, возможно, вопрос о чем-то другом.

Това двигается дальше, как она всегда это делает.

Следующий вопрос: “Длинный ворс на ткани, пять букв”.

– Вот уж легче легкого, – бормочет Това, заполняя клеточки: Н, А, Ч, Е, С.

Ее размышления об итальянском автопроизводителе Бугатти, шесть букв, прерывает свист проезжающего велосипеда. Потом два щелчка – отстегиваются ремешки для педалей. Человек в модных велотуфлях, которые заставляют его двигаться неуклюже, идет по тротуару к питьевому фонтанчику. Он высокий и худощавый, но его походка вразвалку наводит Тovu на мысли о пингвине.

– Боюсь, никакого толку от него не будет, – говорит Това.

– А? – Незнакомец поворачивается к Тове, как будто ее присутствие его удивило.

– Питьевой фонтанчик. Не работает.

– А-а. Ну, спасибо.

Това оглядывается через плечо и наблюдает, как он подставляет рот под кран. Поворачивает ручку и чертыхается.

– Администрация должна этим заняться, – бурчит он. Снимает солнечные очки и смотрит на залив каким-то иссушенным взглядом, будто гадая, так ли на самом деле плоха на вкус морская вода.

Това достает со дна сумки непечатую бутылку с водой. Она всегда носит с собой воду – на всякий случай.

– Хотите?

Он отмахивается:

– Ой, нет. Я не могу.

– Пожалуйста, я настаиваю.

– Ну ладно. – Туфли хлюпают по траве, когда он подходит. Он открывает бутылку и делает несколько крупных глотков, в считанные секунды выпивая все до дна. – Спасибо. Здесь жарче, чем я думал.

– Да уж. Лето наконец-то наступило.

Он кладет солнечные очки на стол и садится напротив.

– Хм. Я и не знал, что люди все еще разгадывают кроссворды.

Он склоняется над газетой, вытягивая шею, чтобы прочесть вопросы. Това неохотно поворачивает газету так, чтобы они оба могли читать. Они изучают кроссворд вместе. Где-то над заливом пронзительно кричит чайка, пререзая тишину. Това подавляет отвращение, когда с подбородка мужчины срывается капля пота, оставляя пятно на колонке советов.

– Этторе, – внезапно говорит он.

– Прошу прощения?

– Этторе. Итальянский автопроизводитель, шесть букв. Этторе Бугатти, – с усмешкой говорит незнакомец. – Офигенные машины.

Това заполняет клеточки карандашом. Слово подходит.

– Спасибо, – говорит она.

– О! А это Дебби. Дебби Харри из “Блонди”.

Конечно. Това вписывает слово и цокает языком, ругая себя. Когда количество букв подходит, незнакомец поднимает руку, чтобы “дать пять”. Това колеблется, но потом хлопает своей маленькой ладошкой по его большой влажной ладони.

Глупый жест, но она позволяет себе улыбнуться.

– Ох, когда-то я тащился от Дебби Харри, – говорит он, посмеиваясь, и в уголках его глаз появляются морщинки.

Това кивает:

– Да, моему сыну она тоже нравилась.

Он пристально смотрит на нее. Его глаза округляются.

– Нихрена себе, – шепчет он.

Това хмурится:

– Прошу прощения?

– Вы мама Эрика Салливана.

Това замирает.

– Да, это я.

– Ого, – бормочет незнакомец себе под нос.

– А вы кто? – Това заставляет себя задать именно этот вопрос, заталкивая поглубже другие, угрожающие выплеснуться наружу, – бесконечные вариации на тему “вы знали его?”, “вы были там?”, “что вам известно?”.

– Я Адам Райт. Я ходил в школу с Эриком. У нас были совместные занятия в выпускном классе, до его...

– До его смерти. – Това заполняет пробел.

– Да. Мне... мне очень жаль. – Он застегивает ремешки на педалях. – Ну, мне пора. Спасибо за воду.

Он уезжает под жужжание велосипедной цепи.

Долгое время Това сидит за столом перед незаконченным кроссвордом, прокручивая в голове все вопросы, которые должна была ему задать. Заставляя себя дышать.

Этот Адам Райт. Был ли он среди тех, кто пришел на службу? Кто присутствовал на вечере памяти со свечами, который устроили на футбольном поле в школе?

* * *

Дома ждет стирка. Сегодня среда, а это значит, что неделя прошла и пора менять постельное белье и полотенца.

На стиральной машинке лежит аккуратно сложенный фланелевый халат, который она привезла из “Чартер-Виллидж” на прошлой неделе. Медсестра объяснила, что Ларс носил его не снимая в течение многих лет. Това жалеет, что не оставила его там. Зачем ей старый домашний халат покойного брата? Разве они не могли постирать его и отдать кому-нибудь другому? Пожертвовать на благотворительность? Пустить его на тряпки для уборки, как Това обычно поступает с одеждой, отслужившей свое?

Многие люди дорожат такими вещами, сказала медсестра, когда Това заколебалась.

Так что теперь халат лежит у Тобы дома, напоминая ей о том, насколько она не похожа на *многих людей*.

На прошлой неделе она уже поднесла было к подолу халата ножницы, собираясь порезать его на тряпки, но в итоге передумала, решив, что тряпок у нее пока достаточно.

Среди личных вещей Ларса оказалась и небольшая стопка фотографий. Некоторые были очень старыми – кусочки их с Ларсом общего детства. Их Това сложила в коробки с семейными фотографиями на чердаке, засунув между собственными альбомами.

Некоторые снимки были относительно новыми – лиц на них Това не узнавала. Фрагменты жизни, которую Ларс вел после их размолвки. Улыбающиеся люди среднего возраста на коктейльной вечеринке; группа туристов, остановившихся под горным водопадом. Это был Ларс, которого она никогда не знала. Все это она выбросила в мусорное ведро.

Еще одна фотография не подходила ни под какую из этих категорий. На ней были сняты Ларс и Эрик-подросток на парусной лодке, сидящие бок о бок. Две пары свесившихся вниз длинных ног, темный загар на фоне ярко-белого корпуса лодки.

Именно Ларс научил Эрика ходить под парусом. Показал ему все возможные и невозможные хитрости, план действий при самых невероятных событиях. Например, как правильно перерезать якорный канат.

На эту фотографию было больно смотреть. Това чуть не выбросила ее в мусор, но в последнюю минуту передумала и спрятала ее в глубине кухонного ящика, где хранились прихватки и полотенца, хотя там ей тоже было не место.

1311-й день в неволе

Если и существует тема для разговоров, которая людям никогда не надоедает, то это состояние их среды обитания за пределами помещения. И сколько бы они это ни обсуждали, в их недоверчивость... прямо-таки трудно поверить. До чего нелепая фраза: “Ну и погода сегодня, даже не верится”. Сколько раз я это слышал? Тысячу девятьсот десять, если быть точным. В среднем полтора раза в день. А теперь давайте расскажите мне о человеческом интеллекте. Люди даже не в состоянии осмыслить предсказуемые метеорологические явления.

Представьте, если бы я подошел к своим соседкам-медузам и, с сомнением покачивая мантией, заявил что-нибудь вроде: “Ну и пузыри сегодня в наших аквариумах, просто невероятно!” Какая нелепость.

(Конечно, это было бы нелепо еще и потому, что медузы не ответили бы. Речь им недоступна. И научить их нельзя. Да, я пытался.)

Солнце, дождь, облака, туман, град, мокрый снег, метель. Человеческие существа ходят по своей земле на двух ногах уже сотни тысячелетий. Казалось бы, пора уже поверить.

Сегодня на их лбах выступил пахнувший солью пот. Некоторые превратили буклеты, раздаваемые у входа в тюрьму, в веера и размахивали ими перед лицами. Почти все пришли в короткой одежде, открывавшей мясистые ноги и туфли на ремешках, подошвы при каждом шаге шлепали их по пяткам.

И они так и не прекратили болтовню о жаре. “Ну и погода, даже не верится”. Семнадцать раз за сегодня.

Наступил теплый сезон. Он приближался уже довольно давно, как это всегда бывает, периоды света становились длиннее, периоды темноты короче. Вскоре я увижу самый длинный день в году. Летнее солнцестояние, как говорят люди.

Мое последнее летнее солнцестояние.

Рано или поздно все всплывет

На следующий день Това сидит рядом с Барбарой Вандерхуф под феном в салоне красоты Колетт, который уже почти пятьдесят лет занимает одно и то же помещение на первом этаже, с выкрашенной в розовый цвет дверью, в центральной части Соуэлл-Бэй. Самой Колетт за семьдесят, как и Крюкотворщицам, но она отказывается уходить на пенсию и уступать салон молодым стилистам, которых нанимала на протяжении многих лет.

К счастью. Хотя Тову трудно назвать тщеславной женщиной, эту роскошь она себе позволяет. И никому другому она бы не доверила уложить ее волосы именно так, как надо. Несколько минут назад она наблюдала, как Колетт подстригает колючки Барб своими ловкими и бережными руками. Колетт действительно лучший парикмахер в округе.

– Това, дорогая. Как твои *дела*?

Барб наклоняется к ней настолько, насколько позволяет шлемообразная сушилка, слишком сильно выделяя голосом слово “дела”. Как будто заранее пресекая любую попытку Товы притвориться, что у нее все хорошо. Барбара всегда чувствует, когда ей привирают, и этой ее чертой Това не может не восхищаться.

Но еще Това гордится тем, что ей самой фальшь не свойственна. Она честно отвечает:

– Все в порядке.

– Ларс был хорошим человеком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.